

Научная жизнь в Новосибирском государственном университете

Обзорная статья

УДК 342.723+341.231.14

DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-1-87-119

Право, бионейроконституционализм и права человека в эпоху генетической информации и бионейротехнологий (международный круглый стол)¹

Игорь Александрович Кравец

Мария Евгеньевна Солодкина

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

kravigor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5291-7177>
igoshckina.maria@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7594-0586>

Аннотация

5 декабря 2025 г. в Институте философии и права Новосибирского государственного университета состоялся круглый стол с международным участием «Право, бионейроконституционализм и права человека в эпоху генетической информации и бионейротехнологий». В рамках междисциплинарной дискуссии ведущие специалисты из разных регионов России и зарубежных стран, включая представителей Китая и Казахстана, обсудили вопросы бионейроконституционализма, биомедицинского права, репродуктивных технологий, биомедицины и прав человека, а также биоэтики и нейрофилософии. Участники круглого стола отметили необходимость дальнейшей совместной работы, направленной на развитие принципов биоправа, биоэтики и использования бионейротехнологий в России. Научно-практическая дискуссия между учеными, философами и практиками показала наличие биоэтанитарных рисков и проблем в результате стремительного развития бионейротехнологий, использования достижений биологических наук и нейронаук. Такие достижения открывают широкие возможности для улучшения здоровья и качества жизни человека, раскрывают перед человечеством новые перспективы в развитии и реализации человеческого потенциала, но вместе с тем они несут и новые биосоциальные, биотехнологические риски и вызовы существующим правовым и этическим нормам. В качестве выводов отмечается, что дискуссия показала важный тренд на инновационную юриспруденцию и развитие нового направления правовой биоэтики, необходимость разработки новых правовых доктрин, таких как биоконституционализм и нейроконституционализм, для адекватного регулирования возникающих отношений и защиты человеческого достоинства в контексте технологических изменений; о возможности конституционализации новых поколений прав человека (биоэтанитарных и нейроэтанитарных прав), направленных на защиту личной автономии, неприкосновенности психической и физической целостности, а также приватности генетической информации.

Ключевые слова

антропологический конституционализм, биомедицинское право, бионейротехнологии, биоправа человека, биоюриспруденция, биоэтика, биоэтанитарные права человека, биоэтанитарный конституционализм, генетическая информация, биоинформатика, конституция жизни, нейрофилософия, репродуктивные технологии

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00338, <https://rscf.ru/project/25-18-00338/> («Антропологический биоконституционализм и достижение биоэтанитарного благополучия»)

¹ Обзорная статья подготовлена по итогам докладов и выступлений участников международного круглого стола «Право, бионейроконституционализм и права человека в эпоху генетической информации и бионейротехнологий», состоявшегося 5 декабря 2025 года, г. Новосибирск, Институт философии и права Новосибирского государственного университета.

в системе обеспечения гуманитарной биобезопасности: человеческое достоинство и новые права человека в правовой онтологии и биосоциальной репродукции»).

Для цитирования

Кравец И. А., Солодкина М. Е. Право, бioneuroконституционализм и права человека в эпоху генетической информации и бioneuroтехнологий (международный круглый стол) // Юридическая наука и практика. 2026. Т. 22, № 1. С. 87–119. DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-1-87-119

Bioneuroconstitutionalism and Human Rights in the Age of Genetic Information and Bioneurotechnology (International Roundtable)

Igor A. Kravets, Maria E. Solodkina

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

kravigor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5291-7177>
igoshckina.maria@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7594-0586>

Abstract

On December 5, 2025, a roundtable discussion with international participation, “Law, Bioneuroconstitutionalism, and Human Rights in the Age of Genetic Information and Bioneurotechnology,” was held at the Institute of Philosophy and Law of Novosibirsk State University. During the interdisciplinary discussion, leading experts from various regions of Russia and abroad, including representatives from China and Kazakhstan, discussed issues of bioneuroconstitutionalism, biomedical law, reproductive technologies, biomedicine and human rights, as well as bioethics and neurophilosophy. Participants noted the need for further joint work aimed at developing the principles of biolaw, bioethics, and the use of bioneurotechnology in Russia. A scientific and practical discussion between scientists, philosophers, and practitioners revealed the biohumanitarian risks and challenges arising from the rapid development of bioneurotechnology and the application of advances in biological and neuroscience research. Such advances offer significant opportunities for improving human health and quality of life, opening up new prospects for the development and realization of human potential. However, they also pose new biosocial and biotechnological risks and challenges to existing legal and ethical norms. The discussion concluded by noting the important trend toward innovative jurisprudence and the development of a new field of legal bioethics. It also highlighted the need to develop new legal doctrines, such as bioconstitutionalism and neuroconstitutionalism, to adequately regulate emerging relationships and protect human dignity in the context of technological change. It also highlighted the possibility of constitutionalizing new generations of human rights (bioethical and neuroethical rights) aimed at protecting personal autonomy, the integrity of mental and physical integrity, and the privacy of genetic information.

Keywords

anthropological constitutionalism, biomedical law, bioneurotechnology, human biorights, biojurisprudence, bioethics, bioethical human rights, bioethical constitutionalism, genetic information, bioinformatics, constitution of life, neurophilosophy, reproductive technologies

Funding

The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No 25-18-00338, <https://rscf.ru/en/project/25-18-00338/> (“Anthropological bioconstitutionalism and the achievement of bioethical well-being in the system of ensuring humanitarian biosafety: human dignity and new human rights in legal ontology and biosocial reproduction”).

For citation

Kravets I. A., Solodkina M. E. Law, bioneuroconstitutionalism and human rights in the era of genetic information and bioneurotechnology Law, bioneuroconstitutionalism and human rights in the era of genetic information and bioneurotechnology (international round table). *Juridical Science and Practice*, 2026, vol. 22, no. 1, pp. 87–119. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2026-22-1-87-119

Введение

5 декабря 2025 г. Институт философии и права Новосибирского государственного университета совместно Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Юридическим институтом ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный универси-

тет (НИУ)», Юридическим институтом Сибирского федерального университета при участии Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске провел круглый стол с международным участием «Право, бионейроконституционализм и права человека в эпоху генетической информации и бионейротехнологий». Научно-практическое мероприятие стало площадкой для обсуждения стыковых и междисциплинарных тем взаимодействия права и биоэтики, права и биомедицины, жизненных интересов и ценностей и современных технологий в биомедицине.

Открыл круглый стол **Владимир Серафимович Диев** – директор Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, доктор философских наук, профессор. Он отметил, что в каждую историческую эпоху на первый план выходят различные науки. XIX век – это век механики, которая стала фундаментом промышленной революции, заменив ручной труд машинным, а мускульную силу – энергией пара. Главной наукой XX века по праву считается физика. Именно она совершила фундаментальный переворот в понимании окружающего нас мира благодаря созданию квантовой механики, специальной и общей теории относительности, что привело к появлению атомной энергетики, ядерного оружия и электроники. Не случайно 2025 год был объявлен ЮНЕСКО годом квантовой механики в честь столетия ее создания.

В. С. Диев обратил внимание на следующие аспекты: «Общепризнано, что XXI век – это век наук о жизни в самом широком смысле, что включает в себя, конечно, биомедицину и нейронауки. Считаю, что юриспруденцию тоже нужно отнести к наукам о жизни. Действительно, это наука о жизни в обществе, не менее важная, чем медицина. Кроме того, по степени ответственности профессии врача и юриста сопоставимы». По его мнению, современный мир имеет много характеристик – турбулентный, глобальный, информационный, непредсказуемый и др. Главной характеристикой современного мира является неопределенность, в нем нет ничего постоянного, кроме перемен. Неопределенность окружает нас как воздух, поэтому жить в таких условиях также естественно, как и дышать. Умение принимать решения в условиях неопределенности становится одной из особенностей нашего времени. «В условиях неопределенности, изменчивости, – отметил В. С. Диев, – очень важны какие-то ориентиры, и в этом смысле очень важную роль играет наша Конституция, задающая ориентиры, по которым будет двигаться корабль под названием Россия. В этой связи хочу напомнить четыре добродетели идеального государства, которые Платон выделяет в диалоге «Государство»: „Ясно, что оно мудро, мужественно, рассудительно и справедливо“».

Директор подчеркнул, что наш круглый стол носит трансдисциплинарный характер: «Понимая и принимая всю важность этого термина, считаю, следуя Ж. Пиаже, что „трансдисциплинарность“ является более высокой стадией развития методологии междисциплинарности. Хочу отметить, что для нашей успешной работы есть все необходимые предпосылки: в Новосибирском университете работают юристы, медики, биологи, философы, кроме того, к нам приехали специалисты из ведущих научных центров нашей страны, что придает дополнительный импульс предстоящим дискуссиям. Желаю плодотворной и успешной работы!»

Приветственные слова высказала **Марина Николаевна Вольф**, директор Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, профессор РАН, доктор философских наук:

«Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Мы встречаемся в дни, когда российское профессиональное сообщество отмечает День юриста и День Конституции Российской Федерации. Это обстоятельство придает нашему сегодняшнему разговору особую значимость. Мы живем в эпоху стремительного научно-технологического развития, в которой генетические данные, цифровые следы личности, биомедицинские вмешательства, нейротехнологии и искусственный интеллект перестали быть предметом будущего – они стали частью повседневных социальных практик, медицинских решений, правоприменения и государственного регулирования. Перед правовой и философской мыслью стоит задача нового масштаба: выработать такие рам-

ки, в которых человеческое достоинство, фундаментальные права и свободы, а также конституционные гарантии сохраняют ясность и смысл в условиях, когда границы тела, личности и данных становятся подвижными. Именно эти вызовы определяют сегодня проблемное поле биоправа, биоэтики и формирующейся области бионейроконституционализма».

Институт философии и права СО РАН традиционно работает на пересечении гуманитарных и естественно-научных областей, уделяя особое внимание проблемам человека, общества и государства перед лицом технологических трансформаций. Научные направления Института – философия науки и технологий, социальная эпистемология, биоэтика, правовая теория и конституционное право – формируют уникальную площадку для междисциплинарного анализа. В исследованиях Института фиксируется динамика социальных и интеллектуальных процессов внутри этих направлений, но также анализируются и задаются нормативные границы, удерживающие человеческое измерение науки и техники, сопряженное с достоинством, свободой, правом. В этом заключается главная миссия Института, и сегодняшнее мероприятие в полной мере продолжает и развивает эту линию: оно объединяет юристов, медиков, философов, специалистов в области генетики, нейротехнологий, искусственного интеллекта, представителей разных научных школ и регионов России, а также наших зарубежных коллег.

Программа круглого стола показывает широту тем и глубину стоящих перед нами вопросов: как новые биотехнологии меняют понимание человеческого достоинства и механизмов его защиты; какие модели биобезопасности и биоправа соответствуют вызовам XXI века; может ли право успевать за нейронауками и цифровыми технологиями; меняется ли статус человека и гражданина в условиях биомедицинских инноваций; как научные открытия воздействуют на конституционную практику и судебные решения.

Эти вопросы не только академические. Они касаются основ социальной политики, здравоохранения, правоприменения, национальной безопасности, этики научных исследований. От качества наших сегодняшних решений зависит способность государства и общества обеспечить баланс между инновациями и защитой человека, между свободой исследовательской мысли и правовыми гарантиями, между прогрессом и ответственностью.

Особенно важно, что на нашей площадке будут выступать как ведущие исследователи, так и молодые ученые, примут участие студенты и магистранты. Это означает, что формирующееся сегодня поле биоконституционных и биоэтических исследований нацелено на преемственность и долгосрочную перспективу развития. Я уверена, что обсуждения круглого стола станут вкладом не только в научное освоение этих тем, но и в практику права, в разработку новых нормативных решений, в уточнение подходов к гуманитарной биобезопасности и правовому обеспечению технологически сложного общества.

М. Н. Вольф в конце вступительной речи сказала: «Я выражаю глубокую признательность организаторам круглого стола – Институту философии и права НГУ, нашим партнерским вузам, коллегам из Сибирского отделения РАН – за подготовку содержательного, масштабного и востребованного форума. Желаю всем участникам продуктивной работы, смелых идей, междисциплинарной открытости и, главное, – понимания того, что именно сейчас, в подобных профессиональных сообществах, формируется интеллектуальный каркас будущего российского права и философии в эпоху больших биоданных и новых технологий. Спасибо за внимание!»

От руководства Сибирского отделения РАН выступил с приветственной речью **Андрей Александрович Тулупов**, главный ученый секретарь СО РАН, заместитель директора МТЦ СО РАН, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАН:

«От лица руководства Сибирского отделения Российской академии наук я рад приветствовать участников международного круглого стола „Право, бионейроконституционализм и права человека в эпоху генетической информации и бионейротехнологий“. Сибирское отделение РАН всегда поддерживало междисциплинарные исследования в научных и образовательных организациях Сибирского макрорегиона. Сегодня за этим столом в Новосибирском государственном университете собрались специалисты в области философии, права, медицины, био-

этики и других смежных областях науки. В эпоху стремительного развития новых технологий и искусственного интеллекта такой диалог и синергия знаний специалистов разных специальностей может раскрыть новые тренды развития науки».

Отмечая широту географии участников, А. А. Тулупов сказал: «Мы также, безусловно, рады участию в этой встрече наших коллег из Москвы, Екатеринбурга, Красноярска, Новосибирска, Саранска, Пензы, Твери, Томска, Тюмени и других городов Российской Федерации, а также из Китайской Народной Республики и Республики Казахстан. Уверен, что такая география участников позволит широко взглянуть на проблемы и задачи, поставленные в рамках данной встречи».

По мнению выступающего, гуманитарные и социальные науки, а также исследования в области права не часто поддерживаются научными фондами Российской Федерации. В этой связи отразно отметить, что тематика нашего мероприятия и в целом – проводимые в НГУ исследования в указанной сфере выполняются за счет гранта Российского научного фонда под руководством профессора НГУ.

Безусловно, эта встреча будет полезна не только ученым и профессорско-преподавательскому составу, но и студентам, магистрантам, аспирантам и ординаторам по очень разным специальностям. В особенности это важно в аспекте быстрого развития новых медицинских технологий с целью понимания и осмысления прав человека в современном мире.

От Института медицины и медицинских технологий Новосибирского национального исследовательского государственного университета (ИММТ НГУ) выступила **Инесса Юрьевна Якимович**, доктор медицинских наук, доцент, и. о. заместителя директора ИММТ по учебной работе (Новосибирск): «Уважаемые организаторы и участники круглого стола! От имени Института медицины и медицинских технологий НГУ благодарю за приглашение и с большим удовольствием приветствую вас на этом уникальном и чрезвычайно важном мероприятии. Профессии врача и юриста исторически находятся в теснейшем взаимодействии. Сегодняшний круглый стол – это прекрасная возможность для настоящего междисциплинарного диалога, для укрепления союза двух великих профессий, стоящих на страже здоровья, прав и благополучия человека. Желаю всем участникам продуктивной работы, обмена мнениями, нового профессионального опыта, новых проектов и начала долгосрочного сотрудничества».

От вузов-партнеров слова поддержки высказали **Елена Викторовна Титова**, директор Юридического института Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор и **Андрей Александрович Кондрашев**, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, профессор.

О важности тематики круглого стола и актуальности проблем взаимодействия права, биомедицины, биоэтики и новых технологий отметили в своих кратких вступительных словах **Андрей Николаевич Медушевский**, доктор философских наук, профессор (Научный исследовательский университет – Высшая школа экономики, г. Москва) и **Валентина Викторовна Комарова**, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

Работа круглого стола проходила по следующим научно-тематическим панелям:

1. Бионейроконституционализм, права человека и новые технологии.
2. Репродуктивные технологии, биомедицина и права человека.
3. Биомедицинское право и статус человека и гражданина в свете новых технологий (отечественный и зарубежный опыт).
4. Биоэтика и нейрофилософия перед вызовами новых технологий.
5. Права человека, биоправо и бионейротехнологии: научные векторы аспирантов и молодых ученых.

Основное содержание

В рамках первой панели («Биоэтикоконституционализм, права человека и новые технологии») обсуждались проблемы признания биоэтического достоинства, права на биобезопасность, этические вопросы применения новых технологий в здравоохранении, обеспечения права на защиту от насилия.

Игорь Александрович Кравец, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск), обратил внимание на проблему формирования и развития *биоэтического достоинства как предмета международной биоюриспруденции и глобальной биоэтики* [1]. В XXI веке активно формируется новая отрасль знаний – правовая биоэтика, которая является междисциплинарным образованием. Биоэтическое достоинство в системе правовой биоэтики занимает привилегированное положение, претендуя на роль гуманитарного сердца в биоцентричной этике, биоправе, биомедицине и юриспруденции биоправ человека. Оно охватывает своим предметом различные случаи взаимоотношений человеческого достоинства и биоэтики, человеческого достоинства и прав человека в области биомедицины, человеческой уязвимости и технологий, человеческого достоинства и прав нечеловеческих живых существ, достоинства различных человеческих поколений и ряд других сфер.

Биоэтика оказывалась в течение долгого времени под влиянием определенного понимания достоинства, которое связывалось с существованием наиболее значимых «нематериальных, присущих только человеку благ, которые являются необходимыми условиями для подлинного человеческого процветания» [2, р. 182]. Такие блага имели «внутреннюю ценность», обладали «неэмпирической» природой, но влияли на статус человека и развитие, реализацию его возможностей и способностей. Доминантой данного взгляда была интуитивно ощущаемая связь человеческого достоинства с правами человека. В первой четверти XXI века стали развиваться более интенсивно интегративная этика, забота об окружающей среде, о сохранении человеческого вида на земле, идея о поколенческой взаимосвязи человечества. Подобные идеи и концепции показали, что человек способен экстраполировать свое достоинство на иные виды живых существ и на вид человечества в его поколенческом значении. Вместе с тем нематериальная ценность достоинства обладает определенными биоэтическими аспектами, особенно в сфере биомедицины, генетики, человеческой репродукции и сохранности вида на земле. *Биоэтические аспекты достоинства основаны на ценностях человеческой жизни, человечности и биоразнообразия.*

Правом на биоэтическое достоинство обладают различные виды живых существ, а не только человек. В XXI веке появились правовые, этические и технологические резоны рассматривать биоэтическое достоинство в контексте взаимосвязи различных поколений, сохранения человеческой природы и обеспечения гуманитарной биобезопасности перед рисками использования новых технологий.

Существуют *три модели взаимодействия права и биоэтики*: 1) модель *биоэтического обогащения права*, правовых принципов и институтов, при сохранении автономии права и этики; 2) модель *юридизации принципов и правил биоэтики*, когда только отдельные основополагающие биоэтические принципы и положения приобретают юридическое значение и юридическую силу; 3) модель *конвергенции права и биоэтики* и возникновения *биоэтического достоинства, биоэтических прав и биоэтического права*.

Следует признать, что биоэтическое достоинство имеет право на существование и выводится из положений международного мягкого биоправа, хотя данное понятие шире, чем понятие «человеческое достоинство». По мнению одних ученых, *биоэтические принципы, оказываясь в водовороте права*, формируют такую модель взаимодействия права и биоэтики, которая характеризуется «проникновением правовых принципов в биоэтику и включением этических принципов в правовые рамки», что следует признать взаимообогащающим явлением [3, р. 23–25].

Категория «*биоэтическое достоинство*» формируется в правовой доктрине в качестве сложного и метаотраслевого правового образования, которое возникает в доктрине международной и отечественной биоюриспруденции. Для него характерна *постепенная юридикация и формализация содержания отдельных биоэтических аспектов* достоинства человека, ребенка, лиц пожилого возраста, инвалида и других категорий лиц, живых существ и человеческих поколений.

Елена Викторовна Титова, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии ИФП, заведующая кафедрой конституционного и административного права, директор юридического института Южно-Уральского государственного университета (НИУ), выступила с докладом «*Право на биобезопасность в контексте биоконституционализма: парадигмы государственного регулирования и особенности судебной защиты в России*» [4]. Она отметила, что в условиях стремительного развития биотехнологий и нарастающих трансграничных биологических рисков право на биобезопасность выступает как формирующееся фундаментальное право человека, особый объект конституционно-правового регулирования, а проблема правового обеспечения биобезопасности приобретает конституционно-правовое измерение.

В докладе отмечено, что право на биобезопасность призвано обеспечить защиту личности, общества и государства от биологических угроз природного, техногенного и антропогенного происхождения, включая риски, связанные с деятельностью по созданию, модификации и обращению биологических агентов и организмов. Автором показано, что право на биобезопасность формируется на стыке экологических, санитарно-эпидемиологических, медицинских и информационных гарантий, но не сводится ни к праву на охрану здоровья, ни к праву на благоприятную окружающую среду. Право на биобезопасность рассматривается в контексте биоконституционализма как элемент прав «нового поколения», возникающих на стыке конституционного, экологического, административного и международного права прав человека и отражающих биополитическое измерение современного государства. Проводится разграничение понятий biosafety и biosecurity и показывается, что за ними стоят различные регулятивные акценты, в частности профилактика непреднамеренных биорисков и предотвращение злонамеренного использования биологических агентов. На основе сравнительного анализа выделяются две базовые нормативно-правовые парадигмы государственного регулирования биобезопасности – либертарианская и патерналистская. Первая опирается на минимизацию государственного вмешательства, саморегулирование научного сообщества и инструменты soft law, рассматривая биоэтику как ключевой механизм управления рисками. Вторая исходит из приоритета публичной власти, жестких административных и уголовно-правовых режимов, обязательной экспертизы и лицензирования, опираясь на принцип предосторожности как основание принятия решений в условиях научной неопределенности.

Российская модель биобезопасности институционализируется в формате суверенно-патерналистского биоконституционализма. Государство закрепляет право на биобезопасность преимущественно как коллективную гарантию, встроенную в систему национальной безопасности, при одновременной выборочной рецепции международных биоэтических стандартов. Принцип предосторожности в этой модели выполняет двойную функцию: служит методологическим вектором формирования специальных правовых режимов и инструментом усиления дискреции публичной власти в управлении биорисками.

Отдельный акцент делается на специфике судебной защиты права на биобезопасность. Анализ практики свидетельствует о смещении фокуса с компенсации индивидуального вреда на проверку формальной законности и обоснованности действий государства в сфере обеспечения биобезопасности. Это обуславливает сложности доказывания причинно-следственной связи в биологических деликтах и ставит под вопрос пригодность классических деликтных конструкций для биорисков. В этих условиях формируется перспективное направление – процессуальный биоконституционализм, ориентированный на разработку особых стандартов

судебного контроля и распределения бремени доказывания по делам, связанным с биобезопасностью. Научная новизна исследования заключается в уточнении содержания права на биобезопасность, характеристике суверенно-патерналистской модели российского биоконституционализма и выявлении их влияния на архитектуру механизмов судебной защиты в условиях биотехнологической эпохи.

Михаил Юрьевич Котловский, доктор медицинских наук, главный научный сотрудник ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н. А. Семашко» (Москва), в своем докладе *«Этические вызовы применения технологий искусственного интеллекта и больших данных в здравоохранении»* отметил, что технологии искусственного интеллекта (ИИ) и больших данных в настоящее время активно трансформируют систему здравоохранения, находя применение в диагностике, персонализированной терапии, анализе медицинских записей, геномике и поддержке клинических решений. В России их развитие закреплено в Национальной стратегии по ИИ до 2030 года, предусматривающей создание нормативно-правовой базы, поддержку разработчиков и обеспечение безопасности пользователям данных систем. Следует подчеркнуть двойной характер ИИ-технологий: их использование в медицине не только повышает качество и доступность помощи, но и укрепляет национальную безопасность и технологический суверенитет за счет снижения зависимости от иностранных платформ и защиты чувствительных данных.

Однако внедрение ИИ сопряжено с серьезными этическими и правовыми вызовами. Во-первых, ИИ не является субъектом права, поэтому ответственность за причиненный вред могут нести врач, медучреждение, разработчик или интегратор системы ИИ – в зависимости от источника ошибки (дефект алгоритма, предвзятость данных, неверная интерпретация). Во-вторых, медицинские данные – наиболее чувствительная категория персональной информации; их утечка (как в случаях с ChatGPT в Samsung или NHS) влечет психологический ущерб, утрату доверия и юридическую ответственность. В-третьих, ИИ может воспроизводить социальные предвзятости: исследования Stanford Medicine (2023) и опыт IBM Watson for Oncology показали, что модели, обученные на данных одной страны, дают неадекватные рекомендации для других этнических и географических групп, что ведет к дискриминации.

Особую проблему представляет «черная коробка» – отсутствие прозрачности в работе ИИ, особенно больших языковых моделей (LLM), даже таких, как Med-PaLM 2 или Suki AI, которые могут не объяснять логику выводов, не ссылаться на источники и не указывать степень уверенности. Это противоречит принципам клинического мышления врача. Решением становятся объяснимый ИИ (XAI), гибридные архитектуры и визуализация «пути рассуждений». Важен также баланс при анонимизации данных: необходимо удалять идентификаторы пациента (ФИО, адреса, страховые номера и т. д.), но сохранять клинически релевантные признаки, чтобы датасеты оставались пригодными для обучения систем ИИ.

Россия участвует в глобальном этическом диалоге. С 2021 года действует «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта»², к которому присоединились более 850 организаций. Однако специального законодательства по медицинскому ИИ пока нет – применяются общие нормы права. В заключение можно сказать, что ИИ обладает огромным потенциалом, но его внедрение должно соответствовать этическим принципам Хельсинкской декларации, таким как уважение автономии пациента, приоритет безопасности и справедливости, а также недопустимость полной автоматизации клинических решений. Только такой подход позволит ИИ стать по-настоящему гуманным инструментом в служении здоровью нации.

Владислава Игоревна Бояринова, младший научный сотрудник Лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии ИФП, доцент кафедры гражданского права Института философии и права Новосибирского национального исследова-

² Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта от 26 октября 2021 года. <https://base.garant.ru/406862712/> (дата обращения: 27.02.2026).

тельского государственного университета, кандидат юридических наук, раскрыла **актуальные проблемы информированного согласия при сборе нейрофизиологических данных для анализа с использованием технологий искусственного интеллекта** [5]. В своем докладе показала, что интеграция технологий искусственного интеллекта в здравоохранение, включая автоматизированную обработку нейрофизиологических сигналов, усиливает значение информированного добровольного согласия как ключевой гарантии автономии пациента. В условиях ИИ меняется не только скорость и объем обработки информации, но и характер последствий: результаты анализа формируются на основе сложных моделей, а собранные данные могут неоднократно использоваться для уточнения алгоритмов и расширения сфер применения. Это требует переоценки согласия не как формального документа, а как инструмента распределения рисков и ответственности между участниками медицинского процесса.

Нейрофизиологические данные обладают повышенной чувствительностью, поскольку отражают параметры, связанные с когнитивными и эмоциональными состояниями, и затрагивают ментальную приватность и когнитивную свободу. Их уникальность нередко осложняет надежное обезличивание и повышает риск повторной идентификации при сопоставлении с иными массивами данных. Дополнительные угрозы связаны с вторичным использованием и профилированием, возможной дискриминацией, а также с эффектом непрозрачности ИИ-решений, когда пациент не понимает, какие признаки извлекаются из сигналов и как они влияют на выводы. В совокупности это делает недостаточными традиционные подходы к информированию, ориентированные преимущественно на описание медицинского вмешательства.

Эффективная модель согласия при сборе нейрофизиологических данных для ИИ-анализа должна строиться как многоуровневый и динамичный процесс, обеспечивающий контроль субъекта на всех стадиях обращения данных. Ключевым элементом является механизм динамического согласия, предусматривающий право пациента отзывать согласие или изменять его условия, в том числе раздельно по клиническому использованию и последующей обработке для обучения алгоритмов. Практически значимым направлением является цифровизация процедуры получения согласия и применение интерактивных форм, повышающих осознанность: многоуровневая подача информации, короткие тесты понимания, персонализированные разъяснения рисков и альтернатив. В итоге трансформация согласия применительно к нейрофизиологическим данным сводится к переходу от разового акта информирования к правовому механизму, ориентированному на защиту ментальной автономии, снижение рисков вторичного использования и повышение доверия к ИИ в медицине.

Дарья Владимировна Сенникова, кандидат юридических наук, доцент Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск), раскрыла проблематику **права на защиту от насилия (как помочь, не навредив)**. Домашнее насилие остается общечеловеческой проблемой, не имеющей географических, языковых и культурных границ. Основными методами его искоренения являются специальные законы и внедренные на их основе инструменты защиты, в том числе охранные ордера. Правовое регулирование в сфере преодоления домашнего насилия как формы гендерной дискриминации развивалось по мере и наряду с трансформацией морали, придавшей ценность женскому опыту и благополучию. Эта проблема многомерна, не до конца исследована, требует работы с социальным и культурным контекстом, а также изменения подходов к защите человеческого достоинства с учетом гендерного, психологического и возрастного компонентов [6].

Соответственно наличие только юридических средств не является достаточным для преодоления характеризуемого социального недуга [7]. В этой связи в исследованиях последних лет была доказана эффективность повышения общественной осведомленности о проблеме домашнего насилия, в частности интервенции свидетелей, демонстрирующих поддержку жертвы [8], и программ полового воспитания, включающих темы, посвященные безопасным отношениям в паре и семье [9]. Исследовательский интерес представляют механизмы противодействия насилию, а также его профилактики и предупреждения, реализуемые в России при отсутствии

специального правового регулирования. Так, автор позитивно оценил наказуемость актов физического насилия в отношении детей, в том числе закамуфлированных под средства воспитания. В докладе отмечены высокая роль некоммерческого сектора и положительные практики, реализуемые общественными объединениями, для повышения доступности услуг на периферии, – консультирование в режиме онлайн и по круглосуточному телефону доверия, создание чат-ботов, ведение кризисного электронного ящика. Проведенное исследование показало уязвимость общественных объединений при финансировании кризисных квартир. В частности, Нижегородский кризисный центр, который уместно отнести к числу флагманских, объявлял специальный сбор на поддержание работы своего приюта из-за общего дефицита средств³. С учетом устоявшейся системы эффективной работы со случаями насилия правовое регулирование деятельности помогающих специалистов в этой области должно носить деликатный характер и касаться сфер публичного интереса. К числу таких сфер можно отнести правоохранительную деятельность по защите жертв, охрану их здоровья как в ситуации текущей травмы, так и в грядущей перспективе, и образовательный процесс.

Ирина Юрьевна Крылатова, кандидат юридических наук, директор Центра биоэтики и права Уральского государственного юридического университет им. В. Ф. Яковлева, выступила с докладом о *роли биоэтических принципов в концептуализации биоэтического достоинства личности*. По ее мнению, биоэтическое достоинство личности, как некий феномен современной научной трактовки, нуждается в концептуализации в том числе с помощью междисциплинарных инструментов и знаний. Как справедливо отметил И. А. Кравец, биоэтическое достоинство представляет собой научный концепт, питающийся интегративной этикой, биоправом и конвергенцией правового, биологического, социального и технологического укладов [1, с. 6]. В этой связи исходя из самой природы биоэтического достоинства, мы можем с очевидностью предположить, что его ключевым источником станет биоэтика в ее основных принципах. Отражая авторское видение, докладчик полагает, **что под биоэтическим достоинством личности** необходимо понимать совокупность особых свойств человеческой личности, обеспечивающих ей самоценность и социальную значимость, реализуемых посредством свободного распоряжения человеком своим телом и когнитивными особенностями, используя доступные методы биотехнологий для поддержания достойной жизни для себя и будущих поколений в благоприятной окружающей среде на основе биоэтических принципов. Широта понятия биоэтического достоинства вытекает из широты понятия биоэтики, а также многогранности феномена человеческого достоинства.

Иными словами, **свобода, основанная на рациональном ограничении**, как нельзя лучше подходит к ставшему уже «классическим» определению биоэтики, которое было дано В. Р. Поттером [10] как *науке выживания с главной чертой по формированию рационального поведения человека в условиях меняющегося мира*.

Соответственно, следует предположить, что принципы, лежащие в основе биоэтики, и будут теми самыми принципами, которые раскрывают и концептуализируют биоэтическое достоинство как сквозной этико-правовой феномен. Акцентируя внимание на биоэтических принципах в этом процессе, закономерно придерживаться «классических» принципов биоэтики, сформулированных Т. Бошампом (Т. Beauchamp) и Дж. Чилдрессом (J. Childress) [11, р. 102]. Исследователями сформулированы четыре базовых принципа: не навреди; делай благо; принцип автономии; принцип справедливости. **Первые два принципа («не навреди» и «делай благо») – это фактически деонтологические или медицинские принципы**. Их актуальность и востребованность свидетельствуют о том, что природа человеческого достоинства не меняется веками и является **константой** в медицинской практике, а значит, она и должна оставаться константой в биомедицинской практике, на которой фокусируется биоэтика. Соответственно,

³ Официальный сайт Нижегородского женского кризисного центра. Публичный годовой отчет 2023 г. [Электронный ресурс] Нижний Новгород, 2025. URL: <https://crisis-center.ru/reports>.

гибкость и адаптивность системе придают последние два принципа («принцип автономии» и «принцип справедливости»), которые через разнообразие форм информированного согласия и равного отношения к пациентам при распределении ограниченных ресурсов позволяют установить границы рационального и допустимого при взаимодействии человека, общества, государства и экосистемы.

В рамках второй панели («Репродуктивные технологии, биомедицина и права человека») доклады посвящались проблематике регулирования, использования и значения репродуктивных прав и репродуктивных технологий.

Валентина Викторовна Комарова, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего образования Российской Федерации, почетный работник сферы образования Российской Федерации, выступила с докладом на тему *«Репродуктивные технологии как средство обеспечения частных и публичных интересов»*. На первый взгляд, планирование семьи и принятие решения о рождении ребенка – сферы частных интересов, а проблемы семей, которые не могут иметь детей из-за бесплодия, – исключительно личное несчастье человека. Между тем естественный способ воспроизводства населения (правомочия на сохранение жизни) в связи с современными рисками в глобальном масштабе (угроза вымирания человечества) выходит на уровень публичных интересов.

В нашей стране, как и во всем мире, достаточно остро стоит демографический вопрос, обусловленный объективными демографическими трендами и репродуктивным здоровьем наших граждан. Демографические интересы России – сбережение народа, усиление прироста титульных наций, сохранение и развитие многонационального народа. Перед государством стоит задача переломить тенденцию снижения и обеспечить устойчивый рост численности населения за счет стабилизации рождаемости и снижения смертности; обеспечения демографической безопасности и непрерывной смены поколений. Демографические вопросы затрагивают экономику, образование, пенсионную систему и влияют на затраты в сфере здравоохранения. Справиться с проблемой бесплодия помогают современные высокотехнологичные технологии в области здравоохранения.

Общество и государство заинтересованы в охране здоровья и безопасности ребенка и матери во время и после родов; в рождении здоровых детей. Репродуктивные технологии позволяют минимизировать риск передачи потомству генетических заболеваний, носителями которых являются потенциальные родители. Сегодня, после вынесения на конституционный уровень в 2020 году вопросов доверия между обществом и государством, сохранения и укрепления общественного здоровья, создания условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью, и главное – закрепления важнейшим приоритетом государственной политики России детей, докладчиком были высказаны и аргументированы теоретические предложения.

1. Рассматривать репродуктивное здоровье в широком смысле (в узком смысле репродуктивное здоровье – исключительно здоровье репродуктивной системы человека) как неотделимый компонент общего здоровья, часть механизма взаимного доверия государства и общества; как особый объект работы единой системы публичной власти в Российской Федерации в интересах населения.

2. Определить юридическую природу репродуктивных прав как производных из основополагающих естественных конституционных прав человека и гражданина, находящихся свой механизм реализации в нормативных актах, регулирующих здравоохранение, гражданские, семейные правоотношения, что позволяет характеризовать их как комплексные, которые охраняются, обеспечиваются и гарантируются государством. Содержательная их природа может включать в себя правомочия, вытекающие из права на воспроизводство, на жизнь, на меди-

цинскую помощь, лекарственное обеспечение и пользование новейшими достижениями медицины и др.

3. Анализ содержательной природы репродуктивных прав позволил докладчику условно выделить в них права прямые и косвенные – гарантийные; обозначив необходимость усиления правового статуса рожденных с помощью репродуктивных технологий детей дополнительным медицинским сопровождением.

4. Опираясь на позицию о том, что репродуктивное здоровье – подвид нормативного закрепления здоровья, сформулирована проблема выделения индивидуального и коллективного репродуктивного здоровья.

5. Нормативно урегулировать различные виды медицинских технологий: отсутствие нормативно закрепленного понятия технологии вообще, медицинских видов в том числе (реабилитационные, телемедицинские, сложные медицинские, вспомогательные репродуктивные и др.), по мнению докладчика, не способствует развитию в обозначенной сфере. Так, содержание термина «репродуктивные технологии» не ограничивается лишь функцией воспроизводства, а затрагивает сопутствующие ему процессы. Российский законодатель определил только вспомогательные репродуктивные технологии.

Правомочия на сохранение жизни в глобальном масштабе (угроза вымирания человечества) и деторождение в сфере частной жизни сегодня требуют решения целого комплекса правовых и этических, медицинских и экономических вопросов в обозначенных рамках темы доклада; тандема доктрины, правотворчества и правоприменения, что послужит основанием для перехода от политики нейтралитета к деятельной политике в применении новейших медицинских технологий для реализации публичных и частных интересов.

Андрей Александрович Кондрашев, главный научный сотрудник Лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии Новосибирского государственного университета, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, отметил сложные аспекты *постмортального применения репродуктивных технологий в России* [12].

Автором под посмертной (постмортальной) репродукцией предлагается понимать ряд действий, направленных на использование криоконсервированных репродуктивных клеток умерших лиц (взятых при их жизни или в течение небольшого периода после смерти) в целях рождения детей, которые впоследствии признаются детьми потенциального родителя (таких потенциальных родителей) при наличии его (их) прижизненного письменного согласия. В докладе было подчеркнуто, что российским законодателем до сих пор принципиально не выражено легальное отношение к постмортальной репродукции, предполагающей рождение детей, зачатых после смерти отца, который предоставил генетический материал и выразил желание на их рождение даже в случае своей смерти. Соответственно, ввиду отсутствия прямого запрета граждане не лишены права воспользоваться данной технологией. Однако репродуктивный материал, полученный при жизни умершего родителя и замороженный впоследствии, отсутствует в нашей стране как объект правового регулирования. При этом в зарубежных странах законодательство достаточно четко определяет случаи использования криоконсервированных половых клеток: солдаты, направленные в зоны боевых действий; мужчины и женщины, страдающие раком или другими неизлечимыми заболеваниями; спортсмены и другие лица, занимающиеся опасной деятельностью.

Автор отмечает, что что российскому законодателю следует поставить точки в дискуссиях и законодательно урегулировать: способ выражения воли лица на криоконсервацию клеток и их дальнейшее использование, срок их хранения, а также определить правовое положение детей, рожденных после смерти родителя (в том числе в результате использования процедур суррогатного материнства), а также срок, в течение которого возможно проведение процедур зачатия с момента смерти соответствующего лица, а также порядок представления государственных

социальных гарантий рожденному в результате таких процедур ребенку (пенсия по потере кормильца и др.). Например, применительно к сроку, в течение которого возможно использование криоконсервированных клеток, и волеизъявлению лица для зачатия в зарубежных странах, введены два критерия: 1) время рождения детей (своего рода пресекательный срок – в течение двух или трех лет со дня смерти лица); 2) прижизненное согласие лица на посмертную репродукцию с использованием его генетического материала.

Следует признать, что репродуктивные права по своей природе являются конституционными, и именно конституционное право должно задавать вектор их правового регулирования в российском отраслевом законодательстве. В основе права на посмертную репродукцию лежат «традиционные» конституционные права (право на защиту здоровья), которые содействуют его реализации и диктуют необходимость конституционно-правовой защиты. И, следовательно, именно конституционно-правовое регулирование должно ориентировать и направлять иные отраслевые науки при разработке правил регулирования реализации репродуктивных прав в нашей стране (в виде разработки специального консолидированного акта – федерального закона).

Евгения Юрьевна Моссберг, младший научный сотрудник Лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии, ассистент кафедры конституционного и муниципального права ИФП Новосибирского национального исследовательского государственного университета, высказала соображения на тему *«Криоконсервация половых клеток и эмбрионов человека как способ обеспечения репродуктивных прав человека в постковидный период: опыт стран БРИКС»* [13].

ВОЗ в марте 2020 года после распространения вируса COVID-19 объявило пандемию. Установлено, что коронавирус оказывает негативное влияние на половые клетки, что потенциально приводит к бесплодию в связи с чем медики призывают к активной криоконсервации половых клеток и эмбрионов лиц, перенесших вирус в целях восстановления их фертильности. В силу п. 5 ст. 55 Федерального Закона РФ от 21.11.2011 года № 323 граждане имеют право на криоконсервацию и хранение своих половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов⁴. В соответствии с п. 31 Приказа Минздрава России от 31.07.2020 № 803н показаниями для криоконсервации является: необходимость хранения половых клеток, эмбрионов с целью дальнейшего использования при лечении бесплодия с применением программ ВРТ или ИИ и др. Закон Бразилии № 9.263/1996 от 1996 года гарантирует право на криоконсервацию половых клеток и эмбрионов, которое конкретизируется в Резолюции CFM № 2.168/2017⁵. Статьей 1 Закона ЮАР № 61 от 02.03.2003 устанавливаются объекты криоконсервации для лиц с проблемами репродуктивной системы: половые клетки, эмбрионы и др.⁶. В Саудовской Аравии для лиц с фертильным недугом криоконсервация половых клеток и эмбрионов разрешена на основании Королевского декрета № М/16 от 21.11.1424 (по исламскому календарю).

Отсюда методы ВРТ активно распространены во многих странах, в том числе и среди членов БРИКС. Криоконсервация половых клеток и эмбрионов в условиях постковида стала одним из способов реализации репродуктивных прав человека среди лиц, перенесших COVID-19. Однако отдельных НПА по данному вопросу законодателями стран БРИКС принято не было, поскольку действующие национальные законодательства в полной мере регулируют институт криоконсервации половых клеток и эмбрионов, а случаи отсроченного материнства после перенесенного COVID-19 являются общими.

⁴ Об основах охраны здоровья граждан в РФ: Федеральный закон от 21.11. 2011 №323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2011, № 48. Ст. 6724.

⁵ Resolucao CFM n. 2.168/2017. URL: <https://sistemas.cfm.org.br/normas/visualizar/resolucoes/BR/2017/2168> (дата обращения: 24.08.2025).

⁶ National Heath Act, 2003. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/35099rg9699gon175.pdf (дата обращения: 24.08.2025).

Екатерина Андреевна Абросимова, кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой инновационной юриспруденции и информационного права МГИМО МИД России, выступила с докладом «*Частноправовой статус/режим криоконсервированного эмбриона*». В настоящее время одна из острых биоэтических дискуссий – правовая природа эмбриона. В судебной практике в контексте семейного и гражданского права регулярно возникает вопрос о том, является ли эмбрион субъектом или объектом прав. Эти споры возникают при разводе и разделе имущества, если у супругов имеются криоконсервированные эмбрионы (и в российской, и в зарубежной практике), при разрешении споров из договора хранения криоконсервированных эмбрионов, при решении вопроса о судьбе эмбриона при смерти одного или обоих родителей – входит ли эмбрион в состав наследства, допускается ли его использование или требуется уничтожение.

Одно из нашумевших зарубежных дел связано с судьбой эмбриона в отношении супругов, которые создали эмбриона, затем жена прошла лечение, сделавшее ее бесплодной, затем супруги развелись, и муж категорически возражал против использования эмбриона. Дело дошло до ЕСПЧ, который, в силу специфики компетенции, не решая вопрос правовой квалификации эмбриона, указал на особый, солидарный характер репродуктивных прав и настоял на уничтожении эмбриона⁷. Аналогичное, хотя и менее резонансное решение было вынесено российским судом в 2023 году, когда супруги при разводе пытались включить эмбрион в совместно нажитое имущество и разделить его. Суд⁸ указал на недопустимость такого подхода, подчеркнул, что эмбрион не может рассматриваться как вещь, что он подлежит уничтожению (не ясно, правда, в каком качестве). Использование эмбриона после развода при отсутствии согласия второго супруга порождает правовую неопределенность в части, например, уплаты алиментов, поэтому позиция суда понятна, однако известны случаи, когда в аналогичных делах суд применял фикцию анонимного донорства, чтобы защитить интересы обеих сторон.

Решение суда о недопустимости признания эмбриона имуществом всколыхнуло юридическое сообщество, породив ряд высказываний на тему объектной природы криоконсервированного эмбриона [14], в отличие от эмбриона *in vivo*. В ответ на это врачи выпустили меморандум⁹ о недопустимости «овеществления» будущего человека и о противоречии позиции юридической доктрины основам биоэтики. При этом сами врачи и компетентные органы в отношении эмбрионов применяют терминологию, никоим образом не свидетельствующую о восприятии эмбриона как субъекта (биоматериал¹⁰, редукция¹¹, уничтожение лишних).

На данный момент дискуссия представляется неразрешимой, как минимум, на ее разрешение потребуется не один десяток лет, тогда как конкретные правовые вопросы возникают и нуждаются в конкретных ответах уже сейчас. Предлагаемое решение проблемы – скорректировать регулирование и требования таким образом, чтобы нивелировать необходимость определения правовой природы эмбриона. В частности, для договора хранения эмбрионов

⁷ Evans v. the United Kingdom. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-99350&filename=CASE%20OF%20EVANS%20v.%20THE%20UNITED%20KINGDOM%20-%20%5BRussian%20Translation%5D.pdf> (дата обращения: 03.12.2025).

⁸ Российское агентство правовой и судебной информации. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20230109/308606344.html (дата обращения: 03.12.2025).

⁹ Открытый меморандум российских ученых о несогласии с заявлением Лидии Михеевой о правовом статусе эмбрионов *in vitro*. URL: https://tsargrad.tv/articles/zhizn-nachinaetsja-s-zachatija-russkie-uchjonye-oprovergli-mify-zashhitnikov-detoubijstv_1272658 (дата обращения: 03.12.2025).

¹⁰ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (документ не вступил в силу).

¹¹ Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2013 № 27010).

возможна правовая квалификация договора возмездного оказания медицинских услуг, что снимает вопрос об объекте хранения. При получении информированного добровольного согласия от супругов на создание и дальнейшее использование и/или хранение эмбрионов необходимо включить в качестве обязательных пункты о судьбе эмбриона на случай развода и/или смерти одного или обоих супругов. Так как эмбрион не квалифицируется в качестве имущества, положение о судьбе эмбриона на случай смерти не будет нарушать запрет на совершение имущественных распоряжений способами иными, нежели закрепленные в разделе 5 ГК РФ. Такой законодательный подход представляется единственным компромиссным вариантом.

Третья панель («Биомедицинское право и статус человека и гражданина в свете новых технологий (отечественный и зарубежный опыт)») охватила доклады нескольких жанров.

Ольга Ивановна Андреева, доктор юридических наук, доцент, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заведующая кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, совместно с **Татьяной Владимировной Трубниковой**, кандидатом юридических наук, доцентом, доцентом кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности того же университета, раскрыли **проблемы использования в доказывании по уголовным делам баз данных ДНК-профилей**.

Генетическая информация – один из наиболее значимых и одновременно чувствительных источников доказательств, затрагивающий фундаментальные права человека и базовые биоэтические принципы. Генетические технологии расширяют возможности расследования преступлений, однако их применение связано с риском чрезмерного вмешательства в частную жизнь, подрыва презумпции невиновности, стигматизации и формирования практик скрытого генетического контроля. Хранение в базах данных ДНК-профилей геномной информации лиц, не признанных виновными в совершении правонарушений, либо чрезмерно длительное и неизбирательное хранение ставит под сомнение презумпцию невиновности. Как следствие, необходимо: 1) ввести дифференцированные сроки хранения геномной информации, зависящие от тяжести совершенного преступления, и автоматическое удаление данных в случае оправдания лица или декриминализации деяния, в совершении которого он был признан виновным; 2) закрепить в нормативно-правовых актах право лица быть информированным о включении его геномного профиля в базу данных и целях его использования; 3) обеспечить эффективные судебные механизмы оспаривания регистрации и хранения геномной информации; 4) установить строгий запрет на использование геномных данных, содержащихся в базе данных ДНК-профилей, вне целей предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

В свою очередь, геномная информация из негосударственных источников должна передаваться правоохранительным органам только по судебному решению; ее использование допустимо лишь при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений и исчерпании иных средств доказывания. Несмотря на восприятие ДНК-экспертизы как «золотого стандарта», она не является безошибочной. Получение ДНК-материалов, их использование требует адекватного правового регулирования, создающего гарантии от ошибок и злоупотреблений и обеспечивающего баланс между интересами общественной безопасности и правами человека.

Необходимы нормы, регламентирующие получение, хранение и исследование биоматериала, обеспечивающие его подлинность, защиту от загрязнения и подмены, а также возможность проверки результатов экспертизы, поскольку ошибки возможны на всех стадиях работы с ДНК-материалами. Важное значение здесь имеет признание Конституционным Судом РФ права стороны защиты на доступ к сведениям об изъятии, обработке, хранении и использовании биоматериала и геномной информации в конкретном уголовном деле, включая данные, содержащиеся в федеральной базе геномной регистрации¹². Следует также гарантировать право стороны защиты на независимую геномную экспертизу с доступом к образцам ДНК, получен-

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2025 г. № 1839-О.

ным на месте преступления и исходным данным. Получение образцов ДНК у подозреваемого – не просто техническая процедура: от нее зависят достоверность доказательств, доверие к правосудию и соблюдение достоинства личности. Требуется закрепить исчерпывающий перечень допустимых, минимально инвазивных способов изъятия биоматериала, ввести обязательное информирование лица о целях и последствиях процедуры и запрет использования материала, полученного обманом, в том числе под видом медицинских вмешательств.

В уголовном процессе отсутствуют специальные правила оценки ДНК-доказательств. Судьи и присяжные склонны придавать им чрезмерный вес, хотя возможны, о чем свидетельствует и практика, ложные совпадения, «ошибка прокурора» и феномен переноса ДНК. Закон должен закрепить необходимость учитывать вероятность ошибок и альтернативные объяснения совпадений при использовании ДНК-информации. Таким образом, использование информации из баз данных ДНК-профилей в уголовном процессе должно рассматриваться не только как технологическое достижение, но и как институт, требующий постоянного этико-правового контроля.

Георгий Борисович Романовский, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, профессор Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске, раскрыл тему о *конституционной правосубъектности органоида головного мозга* [15]. Современная наука серьезно продвинулась в создании искусственных органов, «выращенных» на основе 3D-биопечати, которые получили свое специальное название – органоиды. Есть достижения в области создания органоида головного мозга человека, что позволило существенно раздвинуть границы познания в области современной нейронауки. Однако основное внимание этико-правовых проблем связано с возможностью выполнения органоидом отдельных функций головного мозга, его самостоятельностью и автономией. Обладает ли такой органоид сознанием, а значит, конституционной правосубъектностью, – ключевая проблема современной биомедицины.

В научной литературе уже сформировался первый этап признания правосубъектности за церебральным органоидом – принятие его морального статуса. Это происходит на основе оценки минимальной чувствительности (по аналогии с анализом оценки пациентов с черепно-мозговыми травмами, не реагирующими на внешние раздражители) и проведении аналогии допустимости экспериментов с эмбрионом.

Появление церебральных органоидов усиливает проблематику определения человека как единственного субъекта, наделенного сознанием, а также достоинством, как источником основных прав и свобод. До недавнего времени доктрина исходила из того, что человек владеет монопольным правом на обладание основными правами и свободами человека и гражданина, что отражается в конституционных актах современного государства. Все остальные субъекты вторичны. Биомедицина возрождает знаковый вопрос: что есть человек? От него отталкиваются все остальные: какие признаки выделяют его в системе иных живых организмов? Если основные признаки определения человека как самостоятельного субъекта, обладающего правами и обязанностями, опираются на понятие сознания (что распространено в социальной философии), то будут ли равными ему иные существа, чье сознание будет каким-то образом определено? Либо следует руководствоваться какими-то иными признаками для определения человека как субъекта права? Поставлены практико-ориентированные проблемы, вытекающие из распространения технологии создания органоида головного мозга человека, которые нуждаются в своем разрешении: 1) правовой режим исследований с церебральными органоидами; 2) правовые основы биокомпьютинга; 3) правовой режим биобанков, в рамках которого отдельный элемент – режим биобанков церебральных органоидов; 4) правовые ограничения на эксперименты с органоидным интеллектом. Определено, что особенностью регулирования

должен стать упор на «мягкие» механизмы, когда законодательство очерчивает рамочные подходы, доверив текущее регулирование экспертному сообществу. Это позволит оперативно реагировать на изменения в чувствительных сферах, обусловленные научным прогрессом, а также не создавать лишних бюрократических барьеров для добросовестных исследователей.

Юепин Чжан, доктор юридических наук, младший научный сотрудник Института русского языка Хэйлунцзянского университета (黑龙江大学俄语学院助理研究员) (Харбин, Китайская Народная Республика), выступила с докладом *«Биоправо и статус гражданина в КНР: вызовы и перспективы регулирования»*. По мнению докладчика, в эпоху Четвертой промышленной революции границы между биомедициной, цифровыми технологиями и государственным управлением стремительно размываются. Биометрическая идентификация, большие данные в здравоохранении, геномное редактирование и системы цифрового мониторинга уже не просто технические инструменты, а ключевые механизмы конструирования статуса гражданина. Китайская Народная Республика, позиционирующая себя как одну из ведущих «цифровых держав», одновременно выступает и в роли глобальной лаборатории биоправа, и в роли суверенного государства, выстраивающего собственную модель регулирования на стыке биотехнологий, безопасности и прав личности. Юепин Чжан предложила рассматривать биоправо КНР именно через призму статуса гражданина – не только как формально-юридической категории, закрепленной в Законе о гражданстве 1980 года, но и как «цифрово-биометрического гражданства», основанного на управлении телесностью, данными и принадлежностью к национальному «генетическому ресурсу». Базовый слой регулирования по-прежнему составляют классические акты: Закон КНР о гражданстве 1980 года, нормы о миграции, о статусе китайцев за рубежом и др. Однако за последние годы вокруг них сформировался новый, гораздо более сложный контур, в центре которого – гражданин как носитель персональных, биометрических и генетических данных.

Во-первых, с 2020 года действует Гражданский кодекс КНР, впервые включивший самостоятельный раздел о личных (персональных) правах. Кодекс закрепляет право на частную жизнь и защиту персональной информации, включая изображение, голос и иные данные, позволяющие идентифицировать личность; это воспринимается как серьезное усиление «горизонтальной» защиты гражданина от неправомерного использования данных как со стороны частных лиц, так и организаций.

Во-вторых, складывается «триада базовых законов о данных»: Закон о кибербезопасности (2017), Закон о безопасности данных (2021) и Закон о защите персональной информации (PIPL, 2021). В PIPL биометрические и медицинские сведения отнесены к категории «чувствительной персональной информации», для обработки которой требуется отдельное, специально выраженное согласие, а трансграничная передача подчинена жестким требованиям безопасности.

Эти акты важны не только как «закон о данных», но и как закон о гражданине: они задают рамки того, какие массивы информации государство и бизнес вправе собирать о гражданине, на каких основаниях строится его цифровой профиль и каковы пределы вмешательства в личную сферу под лозунгами «национальной безопасности» и «общественного интереса».

Существует и специализированное биоправовое регулирование, посвященное вопросам генетических ресурсов и биобезопасности. Это, собственно, биоправо в узком смысле. Здесь ключевое значение имеют: Закон о биобезопасности КНР (2021), который прямо относит управление человеческими генетическими ресурсами к вопросам национальной безопасности и закрепляет принцип государственного суверенитета над ними. Положение об управлении человеческими генетическими ресурсами (2019) и Подробные правила его реализации (2023), детально регламентирующие сбор, хранение, использование и передачу генетического материала и связанной с ним информации, особенно в международных проектах. Эти правила требуют участия китайского партнера, эквивалентного доступа к данным и результатам исследований, а также предусматривают усиленные санкции за нарушения, включая крупные штрафы и приостановление деятельности.

После скандала с «генетически отредактированными детьми» Хэ Цзянькуя (2018) китайское законодательство было неоднократно ужесточено: в Гражданский кодекс и Уголовный закон внесены положения, прямо запрещающие незаконное редактирование человеческого генома, а в 2024 году опубликовано специальное этическое руководство по геномному редактированию, подчеркивающее абсолютный запрет на использование отредактированных зародышевых клеток и эмбрионов в репродуктивных целях.

На этом фоне в китайской доктрине активно обсуждается новая категория «генетической приватности» – как в отечественных работах, так и в международной литературе.

Ольга Валентиновна Романовская, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Саранске, рассмотрела тему *«Право и Homo Digitalis: новая эпоха, новые угрозы»*. Цифровизация затронула все сферы общественной жизни. Коммуникации плавно перешли в цифровой мир, что не только влияет на внешние аспекты общения, но и заметно трансформирует внутреннюю сторону каждого из нас. Смена нейropsychических процессов порождает новое восприятие всего, что нас окружает. Это привело к разработке новой концепции – Homo digitalis – «человека цифрового», в которой он уже не рассматривает разделение физического мира и мира виртуального.

Формирование эпохи будущего связано с появлением обновленных реалий, которые необходимо обобщить:

1. Цифровые средства общения «ломают» национальные границы, иначе выстраивая информационное пространство, на которое все меньше оказывают влияние государство и его официальные органы.

2. Цифровизация сделала для глобализации гораздо больше, чем все глобалисты-политики за последние 30 лет, выстраивая экономические и финансовые потоки по правилам, устанавливаемым гигантами технологической индустрии. В этой связи необходимы изменения в антимонопольное законодательство, которые должны учитывать суверенные полномочия государства по строительству технологической автономии. Иными словами, актуален тезис о разработке международного антимонопольного права.

3. Появление нейротехнологий, оказывающих заметное влияние на когнитивные способности человека, усиливая их за счет подключения к различным специализированным цифровым гаджетам. Интерфейс «мозг – компьютер» используется в лечебных целях, для возвращения отдельных двигательных способностей за счет считывания сигналов головного мозга и перевода их в цифровой код для передачи различным дополнительным устройствам. Но его функционал этим не исчерпан. В мире активно разрабатывается концепция «когнитивного превосходства», которая имеет и военное, и мирное применение.

Докладчик отметил следующие появляющиеся угрозы. Государство рассматривается как не единственная форма социального общежития. Гиганты технологической индустрии активно участвуют в формировании новых идей, в которых роль государства в реализации управленческих функций заметно минимизирована. Разрабатывается концепция «государство как платформа», в которой государственный служащий – это цифровой помощник, а не живое должностное лицо. Коммуникации выстраиваются между гражданами с помощью входа в электронное пространство. Серьезным рискам подвергается право на неприкосновенность частной жизни. Человек становится открытым перед угрозами, связанными с вторжением в его личную автономию. Как отмечают психологи, необходимо формировать новое отношение человека к информации, которая заносится в цифровой мир. Кибербезопасность и ее правовое обеспечение – главный тренд правотворческой политики современного государства. Размывание границ между виртуальным и физическим миром обуславливает появление новой концепции «человека-киборга», чьи возможности усиливаются с помощью цифровых устройств. Это создает дискриминационные риски и проблемы доступности к «улучшающим технологиям».

Надежда Юльевна Чернусь, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск), в докладе «*Пациентоориентированность в российской биоюриспруденции и в практике оказания медицинской помощи*» [16] отметила, что пациентоориентированность представляет собой фундаментальный принцип современной системы здравоохранения, обеспечивающий эффективность медицинской помощи через интеграцию индивидуальных потребностей, ценностных ориентиров и правовых гарантий пациентов в клиническую практику. В биомедицинском праве пациентоориентированность выступает механизмом, обеспечивающим баланс целой триады интересов: врач – государство – пациент, формируя этически обоснованную и гуманистическую парадигму здравоохранения.

Пациентоориентированность следует определять как методологический подход к оказанию медицинской помощи, предполагающий учет личных предпочтений, потребностей и ценностей пациента при одновременном соблюдении медицинских стандартов и протоколов. Всемирная организация здравоохранения в 2024 году разработала Хартию прав пациентов в области безопасности, содержащую руководящие принципы для имплементации в национальное законодательство и обеспечения безопасности при оказании медицинской помощи. Итак, в рамках изложенной концепции, субъективное право пациента включает правомочия на информированное согласие, конфиденциальность медицинской информации, достойное обращение и активное участие в принятии клинических решений. Пациентоориентированная медицина предполагает оптимизацию терапевтических результатов в реальной клинической практике путем интеграции целей, предпочтений и ценностей пациента с учетом экономических ресурсов на микро- и макроуровнях системы здравоохранения. Реализация пациентоориентированного подхода требует трансформации традиционной модели взаимоотношений «врач – пациент» и проведения соответствующих научных исследований. В России правовой основой для принципа пациентоориентированности выступает Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹³, закрепляющий право пациента на выбор врача и медицинской организации (ст. 21). Статья 22 Закона № 323-ФЗ гарантирует пациенту получение в доступной форме информации о состоянии здоровья, включая результаты обследования, диагноз, прогноз, методы лечения, риски, альтернативные варианты медицинского вмешательства и его последствия. Статья 20 Закона № 323-ФЗ регламентирует право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и отказ от него, что соответствует принципу уважения автономии пациента.

Несмотря на нормативное закрепление прав пациентов, практическая реализация пациентоориентированного подхода сталкивается с системными вызовами: недостаточным уровнем информирования пациентов, неравномерностью доступа к качественной медицинской помощи, культурными барьерами участия в принятии клинических решений. Кроме того, препятствием выступает низкий уровень правовой грамотности пациентов. Тем не менее, если оценивать перспективы внедрения принципа пациентоориентированности в практику оказания медицинской помощи, то как раз цифровизация здравоохранения представляет перспективное направление повышения доступности медицинской информации и уровня вовлеченности пациентов в терапевтический процесс. Успешная реализация пациентоориентированности требует комплексных мер: повышения правовой грамотности населения, совершенствования законодательства, внедрения современных этических стандартов, адекватных актуальным вызовам здравоохранения.

¹³ Официальное опубликование правовых актов. Номер опубликования: 0001201111220007. Дата опубликования: 22.11.2011. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201111220007> (дата обращения: 27.02.2026).

Евгения Владимировна Макарецва (Раздьяконова), кандидат юридических наук, доцент Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ (заведующая кафедрой конституционного и муниципального права) (Новосибирск), раскрыла тему *«Принцип взаимности прав и обязанностей в сфере социального благополучия: биоэтические и правовые аспекты»*. В статье 75.1 Конституции РФ нашел отражение один из базовых принципов доктрины прав и свобод человека и гражданина – это принцип сбалансированности прав и обязанностей гражданина. Положение о сбалансированности (балансе), в том числе и применительно к субъективным правам и обязанностям, формализованное ст. 75.1 Конституции России, было бы преувеличением считать действительно конституционной новеллой. В Конституционном Суде Российской Федерации достаточно давно идут серьезные дискуссии о природе феномена баланса и его функциональном назначении применительно к опосредованным конституционным текстом отношениям [17, с. 552]. Обращаясь ранее к вопросу о соблюдении баланса между правами и обязанностями, КС РФ сформулировал общую теорию баланса. При этом надо понимать, что в разных сферах общественных отношений теория баланса прав и обязанностей обладает различным значением как для общества, так и для государства и зависит от соизмеряемых ценностей.

Юридическая формализация идеи сбалансированности прав и обязанностей гражданина своим смыслообразующим началом должна иметь не метафорические (взвешивание, гармонизация) и не предельно субъективно-оценочные (соразмерность, пропорциональность) концепты, а конкретно-юридическое содержание, поддающееся формализации в системе действующего правового регулирования и пригодное для прямого применения, в том числе и при разрешении конкретных споров о праве [17, с. 555].

Конституционный Суд РФ через формулирование правовых позиций со ссылкой на норму ст. 75.1 Конституции РФ склонен отдавать приоритет общему функционированию конституционной системы, но, следует заметить, что в настоящее время в практике Конституционного Суда РФ еще не появилось дела, в котором он применил бы принцип сбалансированности прав и обязанностей в обеспечении социального благополучия, где речь идет о многочисленных социально-экономических правах и конституционных обязанностях. Несмотря на общие подходы к формулированию принципа сбалансированности прав и обязанностей, именно в сфере социального благополучия необходим поиск критериев для определения значимости той или иной сферы жизни. Данный поиск должен опираться на смыслы и достижения современной науки не только и не сколько в области права, но прежде всего в иных сферах жизни, к примеру в контексте достижений медицинской науки применительно к физическому и эмоциональному благополучию. Само понятие «благополучие» не имеет единого определения, поскольку охватывает разные направления и сферы жизни и деятельности общества. Компания Willis Tower Watson разработала свою концепцию благополучия: а) физическое благополучие: осознание и управление здоровьем, профилактика заболеваний, контроль хронических болезней и восстановление после травм для возвращения к нормальной функциональности; б) эмоциональное благополучие: развитое самосознание, психическое здоровье, устойчивость к нагрузкам и способность управлять стрессом; в) финансовое благополучие: финансовая безопасность, управление бюджетом, достижение финансовых целей и устойчивость к рискам; г) социокультурное благополучие: важность взаимодействия с окружающими, признание многообразия, поддержание здоровых отношений и успешное разрешение конфликтов. Таким образом, идеальное состояние благополучного человека представляет собой индивида, который отличается здоровьем, эмоциональным балансом, финансовой стабильностью и социальной инклюзивностью [18].

В этом контексте биоэтическое благополучие, объединяющее в себе физическое и эмоциональное благополучие, выступает частью общего социального благополучия. Применительно к возможности применения принципа взаимности прав и обязанностей в контексте биоэтического благополучия следует опираться также на международные стандарты, в частности,

Всеобщую декларацию о биоэтике и правах человека, где акцент сделан на обеспечении универсального комплекса принципов и процедур, которыми могут руководствоваться государства при выработке своих законодательных норм, политики или других инструментов в области биоэтики¹⁴. Содействие укреплению здоровья и социальному развитию своего населения является одной из основных целей правительств, которую разделяют все слои общества. Как часть принципа взаимности прав и обязанностей при обеспечении биоэтического благополучия государство должно исполнять следующие обязанности: а) обеспечение доступа к качественным медицинским услугам и важнейшим лекарствам, особенно в том, что касается здоровья женщин и детей, поскольку здоровье имеет важнейшее значение для самой жизни и должно рассматриваться в качестве общественного и человеческого блага; б) обеспечение доступа к надлежащему снабжению продуктами питания и водой; в) улучшение условий жизни и состояния окружающей среды; г) недопущение маргинализации и отчуждения лиц на каких бы то ни было основаниях; и д) сокращение масштабов нищеты и неграмотности. Обозначенные направления могут быть положены в основу для окончательного оформления содержания принципа взаимности прав и обязанностей в сфере социального благополучия, где основная роль отводится Конституционному Суду РФ.

Галина Федоровна Демидович, судья Федерального суда общей юрисдикции Первомайского района г. Новосибирска в отставке, ст. преподаватель кафедры конституционного и муниципального права СИУ РАНХиГС, раскрыла *проблемы реализации биомедицинских прав при разрешении судами споров по качеству медицинских услуг*. Действующий Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон об охране здоровья) существенно расширил гарантии охраны здоровья системой государственного и муниципального здравоохранения. Ранее действующий Закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» от 22 июля 1993 г. № 5487-1 предусматривал принципы охраны здоровья, защищающие права граждан, в частности, соблюдение прав и свобод человека и гражданина в области охраны здоровья, а также ответственности органов публичной власти и организаций за обеспечение прав в области охраны здоровья. Новым Законом были заложены новые принципы человекоцентричности здравоохранения, что существенно изменило баланс прав и обязанностей участников правоотношений, возложив на государственные и муниципальные учреждения здравоохранения всю ответственность за состояние здоровья пациентов при оказании медицинских услуг.

В юридической практике, сопровождающей судебные споры медицинских организаций и граждан по качеству медицинских услуг, сформировалось обоснованное мнение о неравенстве субъектов в правоотношениях с пациентами, несоразмерности требований об ответственности к медицинским организациям и медицинским работникам при оказании медицинской помощи. По мнению специалистов, возложение правовых рисков на медиков нарушает баланс прав, поскольку при оказании медицинской помощи невозможно на 100 % гарантировать благоприятный результат даже у здорового человека. Поэтому в медицинской литературе встречается термин «оборонительная медицина», предусматривающая увеличение диагностических исследований в целях предотвращения неблагоприятного исхода при медицинском вмешательстве и последующего преследования медицинских работников, поскольку врач при оказании медицинской помощи рискует как пациентом, так и собой.

Такое противоречие отражается и в судебной практике при разрешении споров по качеству оказания медицинских услуг, поскольку неравенство в правоотношениях между пациентом и медицинскими организациями имеет под собой безусловно правовую основу исходя из применения судами правил ст. 401, 1064, 1068 ГК РФ, предусматривающих ответственность медицинских организаций за вред, причиненный работником при оказании медицинских услуг,

¹⁴ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения к ресурсу 04.12.2025).

а также Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹⁵, возлагающего бремя доказывания на лицо, оказывающее медицинские услуги. Пунктом 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»¹⁶ и п. 48 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»¹⁷ прямо предусмотрено, что медицинские организации, медицинские работники несут ответственность за нарушение прав граждан в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью гражданина при оказании ему медицинской помощи. На медицинскую организацию возлагается не только бремя доказывания отсутствия своей вины, но и бремя доказывания правомерности тех или иных действий при оказании медицинской помощи пациенту, установлении правильного диагноза, соответствии лечебного процесса установленным требованиям. При этом положения Закона об охране здоровья (ст. 72 и 78) не содержат механизма обеспечения прав медицинских организаций и медицинских работников при оказании экстренной медицинской помощи, в частности, на предоставление информации о состоянии здоровья лиц, нуждающихся в медицинской помощи, что способствовало бы реализации прав участникам правоотношений, предупреждению неблагоприятного результата медицинской помощи.

Таким образом, сложившийся дисбаланс в пользу пациентов объективно закономерен, поскольку они выступают слабой стороной в правоотношениях по оказанию медицинской помощи, тогда как медицинские организации и их работники обладают специальными профессиональными возможностями. Однако правовое регулирование должно учитывать принцип справедливого распределения прав и обязанностей участников правоотношений, возлагая обоснованную ответственность также на граждан за состояние здоровья, использование социальных гарантий охраны здоровья, своевременную диспансеризацию, полезные социальные привычки по сбережению здоровья, а также предоставление полной информации о состоянии здоровья пациентов, что, с одной стороны, гарантирует справедливое распределение прав и обязанностей участников правоотношений, исключит иждивенческий подход со стороны граждан к охране своего здоровья, а с другой стороны, предоставит большие гарантии медицинским организациям в оказании качественной медицинской помощи.

Александра Евгеньевна Зорина, старший преподаватель академического департамента Школы права и управления Тюменского государственного университета (Тюмень), выступила с темой *«Тело человека как особый объект публично-правового регулирования в условиях научно-технологического развития»*. Научно-технологическое развитие в условиях цифровизации и биомедицинских инноваций обуславливает трансформацию классических представлений о теле человека как объекте публично-правового регулирования. Современное право сталкивается с качественно новыми формами телесности, выходящими за рамки классического понимания физического тела и требующими пересмотра сложившихся нормативных конструкций. В данных условиях особое значение приобретает типологический подход, выступающий методологическим основанием системного анализа телесности в праве. Типология позволяет выявить устойчивые закономерности правового регулирования телесных характеристик, а также проследить взаимосвязь биологических, социальных и функциональных факторов, влияющих на правовой статус индивида. В отличие от классификационного подхода, типология ориентирована на выявление глубинной структуры правового восприятия тела.

Классическая правовая ситуация исходила из регулирования физического тела человека как биологически целостного объекта, охватываемого институтами правоспособности, охраны жизни и здоровья, а также защиты физической и биологической неприкосновенности.

¹⁵ Российская газета. 1992 г., 7 апреля.

¹⁶ Российская газета. 2012 г., 11 июля, № 156.

¹⁷ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405614449/> (дата обращения: 27.02.2026).

Однако цифровизация общественных отношений, развитие биометрических технологий, искусственного интеллекта и виртуальных сред сформировали предпосылки перехода к новой правовой ситуации, в рамках которой возникает новый объект публично-правового регулирования – цифровое тело как информационная репрезентация личности. В российской правовой системе данный переход выражается в выделении биометрических данных в особую категорию персональной информации, формировании правовых основ цифрового профиля гражданина и расширении сферы действия механизмов защиты изображения и информации. Таким образом, публичное право постепенно охватывает не только биологическое, но и цифровое измерение телесности. Эволюция правовых типологий тела проявляется в усложнении классических биологических дихотомий (живое и мертвое, здоровое и больное, натальное и иннатальное) за счет включения биотехнологизированных и гибридных форм телесности. Особую научную и практическую значимость приобретает проблема правового режима вмешательств в тело человека с использованием нейротехнологий, киберпротезирования и иных высокотехнологичных решений, регулирование которых в настоящее время носит фрагментарный характер. Наряду с биологическими типологиями возрастает роль социально-правовых и функциональных подходов, в рамках которых тело рассматривается как носитель публичных функций и объект нормативной стандартизации. В совокупности это позволяет говорить о формировании многоуровневой модели публично-правового регулирования телесности, включающей онтологический, социально-правовой и функциональный уровни.

Сформированная модель отражает переход от статичного восприятия тела человека к его динамическому правовому осмыслению, что требует дальнейшего развития публично-правовой доктрины и уточнения границ допустимого вмешательства государства в сферу телесности в условиях научно-технологического развития.

Доклады на четвертой панели («Биоэтика и нейрофилософия перед вызовами новых технологий») касались фундаментальных вопросов о роли нейронауки в современной юриспруденции.

Андрей Николаевич Медушевский доктор философских наук, профессор Научного исследовательского университета – Высшей школы экономики (Москва), выступил с темой *«Нейронауки в теории права и судебной практике: pro et contra»*. Появление нейронауки стало результатом соединения достижений трех научных направлений в изучении мозга – психологии (когнитивных наук), нейробиологии и искусственного интеллекта. Нейроправо – новая область знаний, изучающая процесс принятия человеком решений, в частности, параметры взаимодействия технологий и права. Ее приоритетными направлениями следует признать: методы объективного исследования субъективных состояний; такие параметры, как свобода воли, ответственность и свобода моральных суждений; психическое здоровье, эмоции и предвзятость; вопросы доказательности в судебном разбирательстве.

Данный круг тем нейроправа традиционно имел значение в судебном процессе, но до последнего времени не опирался на доказательные методы верификации. Текущая «революция в понимании мозга», по мнению некоторых экспертов, открывает возможности доказательного исследования процессов формирования эмоций. Ключевая роль в этом отводится сканированию коры головного мозга – технологии, позволяющей наблюдать за его деятельностью в режиме реального времени. Различные варианты сканирования – использование электроэнцефалографии, МРТ, создание усовершенствованного детектора лжи, нейроимиджевые технологии (сканирование активности зрительной коры головного мозга) – могут использоваться для реконструкции представлений, снов и воспоминаний человека. На этом основании оправдано предположение о том, что в перспективе данные нейротехнологии могут использоваться для получения реальных доказательств, наподобие отпечатков пальцев. Однако международное юридическое сообщество расколото в отношении как нейронауки в целом, так и в отношении к использованию нейродоказательств, а отношение к данным технологиям остается

неоднозначным, варьируясь от принятия их практического использования, к частичному применению в исключительных случаях, до отсутствия артикулированной позиции.

В докладе систематизированы аргументы за и против применения нейротехнологий в теории права и судебном процессе. С одной стороны, ответ позитивен: предлагается использовать нейронауку для расширения номенклатуры защищаемых прав и свобод: создания реабилитационной модели правосудия, где возможно будет отстаивать иски о нанесении вреда в ныне трудноопределяемых областях идентификации боли (деградации разума, сознания, причинения эмоциональных страданий), которые уже не будут рассматриваться как принципиально отличные от физических страданий. С другой стороны, ответ негативен: во-первых, констатируется опасность контроля когнитивных процессов, разума – «чтения мыслей», когда под угрозой оказываются столь важные права, как свобода мысли, неприкосновенность личной жизни и право не свидетельствовать против себя; во-вторых, последовательное проведение нейроправовых подходов без юридических ограничений угрожает самим основам существующих правовых систем: если мозг работает в детерминированном мире, исчезает понятие о свободе воли и уголовной ответственности. В-третьих, новые технологии бросают вызов ряду традиционных представлений о судебной власти (ее рациональности и беспристрастии), поскольку способны оказывать воздействие на сознание и эмоции самих судей.

Результатом исследования становится ряд практических рекомендаций по правовому регулированию сферы контроля над сознанием, использования нейротехнологий и преодоления когнитивного манипулирования. Это позволяет подойти к решению главной задачи – фиксации права человека на когнитивную свободу с определением уровня и мер его необходимой защиты в международном, конституционном, медицинском, корпоративном праве, а также праве войны, уголовном и процессуальном праве.

Антон Борисович Дидикин, доктор философских наук, кандидат юридических наук Высшей школы права Maqsut Narikbayev University (Казахстан), выпускник Новосибирского государственного университета, раскрыл условия, обоснованность и современные интеллектуальные тренды, которые формируются в ходе *трансформации юридической ответственности под влиянием достижений нейронаук*.

Владислав Георгиевич Романовский, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), отметил проблему соотношения *права и нейротехнологий в современной криминалистике*. Современная криминалистика испытывает на себе серьезное влияние со стороны активно развивающихся нейротехнологий, нацеленных на проникновение в самые глубины человеческого сознания. Традиционное понимание нейротехнологий основывается на том, что это совокупность методов, позволяющих считывать, анализировать мозговые импульсы и оказывать на них влияние. С учетом того, что любое преступление (как акт поведения человека) является результатом внутренней деятельности человека, инновации прогнозируют кардинальное изменение расследований любых преступлений. Одновременно такие перспективы порождают острые правовые дилеммы, трансформируя такие фундаментальные принципы, как вина в совершенном деянии, презумпция невиновности, неприкосновенность частной жизни. Серьезным образом обсуждается концепт «мыслепреступления», которое плавно перешло из романов-утопий в научный лексикон.

Уже сейчас в криминалистике планируется использовать следующие достижения в области нейронаук. Детекция лжи на основе анализа паттернов электроэнцефалограммы, благодаря которым визуализируется активность зон мозга, связанных с обманом, анализом и сокрытием информации. Появляются так называемые «нейродетекторы», точность которых далека от идеала, но их функционал с каждым годом улучшается. Установление осведомленности (метод определения виновности) – в англоязычной литературе специальный термин – Brain Fingerprinting (когнитивный отпечаток мозга), обозначающий анализ электрических сигналов мозга (P300-волны), возникающих как ответная реакция на предъявление зрительных объек-

тов. Технология в потенциале может использоваться при предъявлении орудий преступления (или иных объектов, изъятых на месте совершения преступления) для выявления реакции свидетеля или обвиняемого. Оценка вменяемости с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ), визуализирующей органические поражения головного мозга, предрасположенность к агрессии, психические расстройства, что уже используется в судебных делах для оценки степени вины подсудимого. Уже есть примеры использования фМРТ в конкретных делах в судах США, Австралии, Европы. Во Франции установлен прямой запрет на использование фМРТ в криминалистических целях. Футурологический прогноз нацелен на чтение мыслей человека. Он основан на достижениях в области функционирования интерфейса «мозг – компьютер», позволяющего преобразовывать мысли в текст человека на экране компьютера. Внедрение приведенных технологий чревато появлением качественно новых рисков: допускается вмешательство во внутренний мир человека (с установлением возможного контроля). Традиционный подход к системе гарантий прав человека в уголовном процессе построен на основе права не свидетельствовать против себя и презумпции невиновности. Он будет разрушен, если данные, выявленные на основе анализа мозговых импульсов (в том числе с помощью принудительного сканирования), будут рассматриваться как объективные доказательства.

На пятой панели («Права человека, биоправо и бионейротехнологии: научные векторы аспирантов и молодых ученых») выступили со своими докладами и сообщениями молодые исследователи, в том числе участники научного коллектива, проводящего исследования при поддержке Российского научного фонда.

Мария Евгеньевна Солодкина, лаборант Лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, аспирант того же института, выступила с докладом *о некоторых вопросах влияния информационных и цифровых технологий на формирование правового регулирования биоинформатики и сохранности биоданных* [19].

Цифровые и информационные технологии влияют на характер общественных отношений в различных сферах, в том числе в сфере биоинформатики и сохранности биоданных. Блокчейн-технология, позволяющая обеспечить сохранность и безопасность данных, показала свою востребованность при организации избирательного процесса, однако ее применение возможно и в сфере здравоохранения. Вместе с этим внедрение и применение любых цифровых технологий, в том числе технологии блокчейна, связано с этическими вопросами. Отметим этические вопросы, которые требуют научного осмысления: безопасность и конфиденциальность данных, подотчетность, децентрализация, доступность, цифровое неравенство, совместимость [20].

Указанная технология позволяет обеспечить интероперабельность и децентрализованность системы здравоохранения, прозрачность и неизменность биоданных. В отличие от традиционных систем здравоохранения децентрализуется также ответственность за управление биоданными, в этой связи затрудняется механизм определения ответственного лица, в том числе в случаях нарушения законодательства и неправомерного использования данных. Технология не обеспечивает полной анонимности пациентов: сохраняется возможность идентификации лица путем комплексного анализа различной информации. При возникновении ошибки в информации, врачебной ошибки технология не позволяет изменить ранее указанные данные, таким образом, блокчейн не позволяет реализовать право на забвение. Возникают этические вопросы доступности технологий. В субъектах Российской Федерации с ограниченным доступом к сети «Интернет» и, как следствие, с низким уровнем цифровой грамотности населения усиливается риск цифрового неравенства среди пациентов. Существующие цифровые технологии не могут гарантировать полной защиты, сохранности и анонимности биоданных и иных данных в сфере здравоохранения. В связи с вышеизложенным необходимо развивать

конституционную биоэтику и доктрину цифрового конституционализма [21], на уровне законодательства сохранить за пациентом право на отказ от перевода всех или определенных его биоданных в электронный вид.

Виталий Сергеевич Каморный, лаборант Лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, аспирант того же института, раскрыл проблематику *субъектов ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, в сфере биоправ и биотехнологий* [22]. Развитие искусственного интеллекта (ИИ) планомерно привело к созданию генеративного искусственного интеллекта (ГИИ). В сфере биотехнологий ГИИ используется все более широко – например, прогнозирует структуры белков для разработки лекарств (AlphaFold) и анализирует симптомы болезней (Ada, SkinVision). Определение лиц, ответственных за вред, причиненный ГИИ, должно опираться на то, как и вследствие каких недостатков ГИИ может причинить вред биоправам. **Порок базы знаний** может заключаться в неправомерном составе базы (отсутствие согласия автора материалов, незаконный статус материалов, неэтичный подход к формированию базы), предвзятости при выборке (пренебрежение нормальным распределением) или непрофессиональной разметке. Ответственность за пороки базы знаний должен нести ее составитель и разработчик ГИИ в силу должной осмотрительности. Их ответственность должна строиться на основаниях вины, поскольку иное существенно ограничивало бы стимулы к созданию ИИ.

Порок нейросети заключается в отсутствии со стороны разработчика контроля за процессом обучения ГИИ. Обнаруживаемые им «паттерны» проходят только статистическую фильтрацию, которая может быть ошибочной и даже дискриминационной, если речь идет о людях. В профильных сферах наряду с культурным должен применяться и профессиональный фильтр (корректность химических связей, правильное определение прогнозируемых свойств веществ). Разработчик обязан осуществлять должный контроль при обучении ГИИ. Здесь его ответственность должна быть безвиновной, что должно побудить к более осмысленному подходу к созданию ГИИ, поскольку дефектная нейросеть представляет наибольшую опасность в сфере биоправ и биотехнологий.

Порок пользования заключается в создании с помощью ГИИ контента, используемого в противоправных целях. Однако предусмотреть все возможности использования ГИИ не представляется возможным. Поэтому разработчик не должен быть ответствен за вред, причиненный ответом ГИИ на заведомо противоправный запрос. Ответственность за вред в таком случае должен нести пользователь ГИИ. Вина должна определяться на основе того, мог или должен ли был пользователь знать, что его запрос некорректен.

Таким образом, субъект ответственности за вред, причиненный при использовании ГИИ, в сфере биоправ зависит от того, каким пороком был причинен этот вред – базы знаний (разработчик и составитель), нейросети (разработчик) или пользования (пользователь).

Иван Владимирович Кузменкин, аспирант Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, член ассоциации юристов России, отметил специфику *реализации конституционного принципа достоинства личности при клонировании человека* [23]. Докладчик рассмотрел вопрос о реализации конституционного принципа достоинства личности в области генной инженерии и клонирования человека. Проблемы правового и этического характера в области генной инженерии и клонирования человека возникли в связи со стремительным развитием биотехнологий (появление технологий CRISPR-Cas9, TALENs, ZFNs), способных менять человеческий геном подобно конструктору. Проблема с реализацией конституционного принципа достоинства личности и биоэтического достоинства личности напрямую затрагивает процессы клонирования человека. В Российской Федерации установлен мораторий на клонирование человека, установленный Федеральным законом от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»¹⁸. Однако данный закон не затрагивает аспекты биоэтического достоинства личности.

Реализация репродуктивного клонирования человека, несомненно, повлечет за собой трудности индивидуализации у клонированного человека. Клон будет развиваться уникально в зависимости от окружающих условий, но из-за физического сходства с существующим или существовавшим человеком появятся проблемы с индивидуальностью.

Репродуктивное клонирование приведет к обесцениванию уникальной человеческой жизни, а также к нарушению биоэтического достоинства личности в целом. В 2026 году проблемы правового регулирования процессов клонирования в Российской Федерации и в целом в других странах остаются нерешенными. Отсутствует кодификация нормативных правовых актов, отсутствуют и правовые нормы, касающиеся защиты биоэтических прав человека. Таким образом, основная проблема клонирования человека заключается в подходе к человеку как к объекту, без учета нематериальных факторов, играющих огромную роль. Среди нематериальных факторов можно выделить как социально-культурные аспекты, так и черты индивидуальности в манерах поведения, привычках и иных аспектах, делающих каждого человека уникальным. Отсутствие должного внимания к человеческим ценностям, таким как право на биоэтическое достоинство, может повлечь за собой непреодолимые последствия как в правовом, так и в этическом аспектах. Для решения правовой неопределенности предлагается разработать и принять соответствующий федеральный закон о регулировании вмешательства в геном человека и клонировании человека. Данный федеральный закон позволил бы воплотить в жизнь концепцию биоэтического достоинства личности, а также положил бы начало правовому регулированию процессов, которые неизбежно в ближайшие десятилетия станут частью нашей жизни.

Елизавета Алексеевна Кошечева, соискатель ученой степени кандидата наук ИФП НГУ, консультант юридического отдела правового управления Министерства финансов и налоговой политики Новосибирской области, отметила, что существуют *правовые риски для настоящего и будущего, когда используется технология генного редактирования эмбрионов при помощи CRISPR-CAS 9*. CRISPR-CAS 9 – одна из наиболее обсуждаемых и перспективных технологий генного редактирования. Ряд ученых уделяет внимание редактированию генов (соматических клеток), например, работы, посвященные борьбе с серповидноклеточной анемией¹⁹ и гепатитом В²⁰. Другие же сосредоточены на работе с геномом эмбрионов, что создает существенные риски для будущих поколений.

В систематическом обзоре этических аргументов, причин и проблем «Этика редактирования человеческих эмбрионов с помощью технологии CRISPR-CAS 9» [24] был проведен анализ 223 научных статей по тематике генного редактирования эмбрионов. Исследователи выделили шесть основных этических опасений, включая возможные риски и вред, подразделяя их на три категории: риски для эмбриона, семьи и общества. Превалирующее количество ученых акцентирует внимание именно на генетических мутациях и ошибках, которые будут иметь последствия для будущих поколений, например на внецелевых мутациях и мозаицизме. А. А. Троицкая отмечает, что на данный момент времени никто не может гарантировать, что такое вмешательство безопасно [25].

Согласно ст. 41 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с понятием «здоровье»²¹ человек имеет право на медицинскую помощь, включающую в себя комплекс меди-

¹⁹ Food and Drug Administration (FDA) (2023). FDA Approves First Gene Therapies to Treat Patients with Sickle Cell Disease. FDA. Retrieved September 9, 2024. URL: <https://www.fda.gov/news-events/press-announcements/fda-approves-first-gene-therapies-treat-patients-sickle-cell-disease>.

²⁰ Медвестник. Российские ученые создали первый в мире препарат от гепатита В на основе CRISPR. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/rossiiskie-uchenye-sozdali-pervyi-v-mire-preparat-ot-hepatita-b-na-osnove-crispr.html>.

²¹ П. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон № 323-ФЗ).

цинских услуг. Статьей 52 Закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» закреплено право каждой женщины в период беременности, родов и после них на медицинскую помощь. Во взаимосвязи толкования указанных норм и понимания возникновения права на жизнь в России женщина определяет возможность медицинского вмешательства в отношении эмбриона. Таким образом, возникает проблема соотношения частных и публичных интересов в контексте генетических вмешательств при наличии заболеваний. Следует ли вмешаться в геном и нести риски негативных последствий для будущих поколений либо принять заболевание как данность? Полагаем, для решения проблемы необходимо стимулировать научно-технический прогресс и разработать нормативную базу, обеспечивающую безопасность и этичность генетических исследований и практик, не ограничивая при этом развитие науки.

Елена Владимировна Кругова, студентка 4-го курса Института философии и права по направлению «Юриспруденция» Новосибирского государственного университета, отметила в своем сообщении *«Достойная жизнь и качество жизни при оказании паллиативной помощи в разрезе биоэтики и биоэтики»*, что оказание паллиативной помощи включает в себя разнообразные аспекты, исходя из чего можно выделить две основные концепции понимания «паллиативной помощи». Первая из них – palliative medicine, под которой подразумевается облегчение боли исключительно посредством лекарственной терапии и медицинских вмешательств; вторая именуется palliative care и включает в себя облегчение не только физических, но и эмоциональных страданий, обеспечивая психологическую поддержку больного и его близких [26, с. 22]. Последний подход укоренился в Германии, Венгрии, Португалии, Испании, при этом сама формулировка в законодательных актах рассматриваемых государств переводится как «паллиативная помощь». С 2019 года в российском законодательстве также укрепился подход palliative care, однако все равно применяется формулировка, имеющая более узкое толкование: «паллиативная медицинская помощь». Так, грамматическое толкование нормы права способно ввести в заблуждение, поскольку теряется значение биоэтических требований, кроющихся в содержании рассматриваемого понятия [27, с. 355].

Необходимым условием соответствия качества паллиативной помощи биоэтическим нормам является и своевременность осуществления необходимой поддержки. Однако российское законодательство не учитывает специфику паллиативного состояния, при котором должна обеспечиваться необходимая поддержка в наиболее уязвимый период жизни: так, для предоставления стационарного социального обслуживания установлен срок, равный одному месяцу с момента признания пациента «не способным к самообслуживанию». Из этого следует, что в настоящее время приоритет над благополучием и качеством жизни пациента отдан административной процедуре. Не менее важным критерием для обеспечения достоинства личности при оказании паллиативной помощи является ее доступность. Однако финансирование этой сферы обеспечивается за счет субъектов РФ, которые имеют неравное положение: каждый из них обладает особым уровнем обеспеченности ресурсами (финансовым положением) и различным уровнем заболеваемости. С точки зрения биоэтики и биоэтики отсутствие федерального механизма выравнивания бюджетов формирует структурную несправедливость и подрывает принцип равного доступа к паллиативной помощи в слабо обеспеченных регионах с высоким количеством паллиативных больных, что умаляет достоинство личности пациентов.

Более того, при исследовании правового регулирования отношений в сфере оказания паллиативной помощи можно заметить, что большая часть норм закреплена в подзаконных актах. Это влечет за собой проблемы правоприменительной практики: большой объем правовых возможностей и требований законодательства теряется из поля зрения пациентов, их родственников и медицинских работников, не обладающих юридическим образованием, что умаляет реализацию фундаментального принципа достоинства личности. Из вышеперечисленного следует, что для обеспечения реализации достоинства личности паллиативных больных требуется прежде всего совершенствование существующих норм с акцентом на биоэтику и биоэтику [28, с. 22]. Так, уважение и защита морально значимых интересов пациента, справедливое

распределение ресурсов, недопустимость бездействия в условиях необходимости экстренного реагирования – та основа, которая способна повысить качество и усилить доступность получения необходимой помощи пациентам с прогрессирующими заболеваниями, когда, в первую очередь, необходима помощь, направленная на облегчение страданий.

Валерия Витальевна Ситникова, студентка 4-го курса Института философии и права по направлению «Юриспруденция» Новосибирского государственного университета, в своем выступлении на тему *«Правовой режим генетической информации: баланс между правом на неприкосновенность, интересами науки и национальной безопасности»* отметила, что быстрое развитие геномики и внедрение генетических технологий в медицину, криминалистику и генеалогию остро ставит вопрос о правовом режиме генетической информации. Ее сложная природа, сочетающая индивидуальные, прогностические, семейные и обезличенные характеристики, порождает правовые пробелы. Существующие нормы часто не могут эффективно защитить права граждан, одновременно обеспечивая общественные интересы, что ведет к коллизиям и правовому вакууму.

Отсутствие единых правил на международном и национальном уровнях создает угрозы дискриминации, нарушений конфиденциальности и злоупотреблений. Российское законодательство определяет геномную информацию как биометрические персональные данные, но это не делает понятным ее гражданско-правовой статус. В научном сообществе ведутся споры о признании информации самостоятельным объектом прав и о принципиальной возможности патентования генов, что видится способом стимулирования исследований. Проблема носит международный характер. Подходы к регулированию варьируются: в ЕС GDPR генетические данные относятся к особой категории, в России же отсутствует кодифицированный закон. Геномная информация – уникальный биологический код, затрагивающий достоинство человека, которое является ключевым ориентиром современной биоэтики и биомедицины. Неопределенность режима порождает высокие риски злоупотреблений: дискриминацию в сфере труда и страхования, стигматизацию, нарушение тайны усыновления. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни делает генетическую информацию высшей формой личной и семейной тайны. Серьезной проблемой становится размывание принципа информированного согласия при использовании данных в науке.

Развитие персонализированной медицины зависит от биобанков, что обостряет вопросы конфиденциальности, посмертного использования данных и неравенства в доступе к технологиям. В криминалистике генетика – мощный инструмент, но существует риск превращения баз данных в инструмент массовой слежки и фальсификации доказательств. В России сегодня отсутствуют адекватные правовые инструменты защиты генетической информации. Для ее эффективного и безопасного использования необходима разработка гибкой, пропорциональной и этически ориентированной правовой модели, обеспечивающей баланс между научным прогрессом, защитой прав граждан и общественной безопасностью.

* * *

По итогам круглого стола участники выработали рекомендации, которые будут направлены в экспертный совет по праву Российского научного фонда, после разработки законодательных предложений – в органы государственной власти с правотворческой компетенцией. В ходе обсуждения дискуссионных вопросов ученые, философы и практики отметили, что происходит стремительное развитие бионейротехнологий благодаря достижениям биологических наук и нейронаук, такие достижения открывают широкие возможности для улучшения здоровья и качества жизни человека, раскрывают перед человечеством новые перспективы в развитии и реализации человеческого потенциала, но вместе с тем они несут и новые биосоциальные, биотехнологические риски и вызовы существующим правовым и этическим нормам. Проблематика круглого стола показала важный тренд на инновационную юриспруденцию и развитие

нового направления правовой биоэтики, необходимость разработки новых правовых доктрин, таких как биоконституционализм и нейроконституционализм, для адекватного регулирования возникающих отношений и защиты человеческого достоинства в контексте технологических изменений. Заслуженным вниманием среди биоэтиков и юристов, экологов и управленцев, иностранных участников круглого стола стала пользоваться тема возможности конституционализации новых поколений прав человека (биоэтических и нейроэтических прав), направленных на защиту личной автономии, неприкосновенности психической и физической целостности, а также приватности генетической информации.

Список литературы

1. **Кравец И. А.** Биоэтическое достоинство как предмет международной биоюриспруденции и глобальной биоэтики (достижения, перспективы, риски) // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 3–10. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-3-10
2. **Jordan M. C.** Bioethics and “Human Dignity” // *Journal of Medicine and Philosophy*. 2010. Vol. 35. P. 180–196.
3. **Barišić P.** Bioethical Principles in the Vortex of Law. In: Pavić, I., Alfrević, N., Vuletić, S. (eds) *Bioethics and Social Ethics in The Modern World*. Cham: Palgrave Macmillan, 2025. P. 23–35.
4. **Титова Е. В.** Право на биобезопасность в контексте биоконституционализма: парадигмы государственного регулирования и особенности судебной защиты в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 24–29. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-24-29
5. **Бояринова В. И.** Актуальные проблемы информированного согласия при сборе нейрофизиологических данных для анализа с использованием технологий искусственного интеллекта // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 41–46. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-41-46
6. **Кравец И. А.** Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. 2019. № 1(265). С. 111–128.
7. **Masath F. B., Nkuba M., Hecker T.** Prevalence of and factors contributing to violent discipline in families and its association with violent discipline by teachers and peer Violence // *Child Abuse Review*. 2022. URL: <https://doi.org/10.1002/car.2799> (accessed: 19.12.2025).
8. **Liu Y. K., Bradford B., Ristea A. A.** Systematic Review Exploring Cultural Variables Related To Bystander Intentions, Interventions and Attitudes in the Context of Domestic and Intimate Partner Violence // *Journal of Family Violence*. 2025. URL: <https://doi.org/10.1007/s10896-025-01001-0> (accessed: 19.12.2025).
9. **Goldfarb E. S., Lieberman L. D.** Three Decades of Research: The Case for Comprehensive Sex Education // *Journal of Adolescent Health*. № 68(1). P. 13–27.
10. **Potter V. R.** Bioethics: Bridge to the Future. Englewood Cliffs. N. J.: Prentice-Hall. 1971.
11. **Reich W. T.** Encyclopedia of Bioethics / Ed. by W. Th. Reich. N.Y.–L. Vol. I: Basic Writing on the Key Ethical Questions That Surround the Major Modern Biological Possibilities and Problems, 1995.
12. **Кондрашев А. А.** Постмортальное применение репродуктивных технологий в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 30–34. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-30-34
13. **Моссберг Е. Ю.** Крיוконсервация половых клеток и эмбрионов человека как способ обеспечения репродуктивных прав человека в постковидный период: опыт стран БРИКС // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 35–37. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-35-37

14. **Авакян А. М., Морозова А. А.** Эмбрион: субъект или объект гражданских правоотношений // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 5. С. 67–69.
15. **Романовский Г. Б.** Конституционная правосубъектность органоида головного мозга // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 11–16. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-11-16
16. **Чернущ Н. Ю.** Пациентоориентированность в российской биоюриспруденции и в практике оказания медицинской помощи // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 38–41. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-38-41
17. **Кемрюгов Т. Х.** Сбалансированность прав и обязанностей гражданина: отдельные вопросы методологии конституционного исследования. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 2023. № 48(3). С. 550–557. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-550-557
18. **Мордвинова Е. Л., Антонова Е. Д., Полева П. Е.** Благополучие поколения Z // Архонт, 2025. № 4(55). С. 271–277.
19. **Игошкина М. Е.** Влияние информационных и цифровых технологий на формирование правового регулирования биоинформатики и сохранности биоданных // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 17–20. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-17-20
20. **Scepanovic V. Scepanovic I.** The ethical dilemmas of the blockchain technology use in e-healthcare systems // *Social Informatics Journal*. 2024. 3. 9–14. DOI: 10.58898/sij.v3i2.09-14
21. **Кравец И. А.** Бионейроконституционализм – стратегическая парадигма российской и международной конституционной юриспруденции // Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина. М.: Проспект, 2023. С. 193–201.
22. **Каморный В. С.** Субъекты ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, в сфере биоправ и биотехнологий // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 20–23. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-20-23
23. **Кузменкин И. В.** Реализация конституционного принципа достоинства личности при клонировании человека // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 50–53. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-50-53
24. **Wiley L., Cheek M., LaFar E., Ma X., Sekowski J., Tanguturi N., Iltis A.** The Ethics of Human Embryo Editing via CRISPR-Cas9 Technology: A Systematic Review of Ethical Arguments, Reasons, and Concerns. *HEC forum : an interdisciplinary journal on hospitals' ethical and legal issues*. 2025. 37(2). 267–303. URL: doi.org/10.1007/s10730-024-09538-1
25. **Троицкая А. А.** Наследуемое редактирование генома человека: компаративный анализ российского и зарубежного правового регулирования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 1. С. 69–81.
26. **Александрова А. В., Берг Л. Н., Болков М. А.** Современное биомедицинское право: учебник / под ред. Г. А. Василевича, В. И. Крусса. М.: Проспект, 2023. 480 с.
27. **Масляков В. В.** Современные принципы биоэтики при оказании паллиативной помощи онкологическим пациентам // *Medicus*. 2020. № 2 (32).
28. **Кравец И. А.** Конституционная биоюриспруденция и достижение биоэтического благополучия (Ч. 2) // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 3 (148).

References

1. **Kravets I. A.** Bioethical dignity as a subject of international biojurisprudence and global bioethics (achievements, prospects, risks). *State power and local self-government*. 2025, no. 11, pp. 3–10. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-3-10 (in Russ.)
2. **Jordan M. C.** Bioethics and “Human Dignity”. *Journal of Medicine and Philosophy*, 2010, vol. 35, pp. 180–196.

3. **Barišić P.** Bioethical Principles in the Vortex of Law. In: Pavić, I., Alfirević, N., Vuletić, S. (eds) *Bioethics and Social Ethics in The Modern World*. Cham: Palgrave Macmillan, 2025, pp. 23–35.
4. **Titova E. V.** The right to biosafety in the context of bioconstitutionalism: paradigms of state regulation and features of judicial protection in Russia. *State power and local self-government*, 2025, no. 11, pp. 24–29. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-24-29 (in Russ.)
5. **Boyarinova V. I.** Actual problems of informed consent in the collection of neurophysiological data for analysis using artificial intelligence technologies. *State power and local government*, 2025, no. 11, pp. 41–46. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-41-46 (in Russ.)
6. **Kravets I. A.** Dignity of personality: a dialogue of theory, constitutional norms, international regulators and social reality. *Journal of Russian Law*. 2019, no. 1(265), pp. 111–128. (in Russ.)
7. **Masath F. B., Nkuba M., Hecker T.** Prevalence of and factors contributing to violent discipline in families and its association with violent discipline by teachers and peer Violence. *Child Abuse Review*, 2022.
8. **Liu Y. K., Bradford B., Ristea A. A.** Systematic Review Exploring Cultural Variables Related To Bystander Intentions, Interventions and Attitudes in the Context of Domestic and Intimate Partner Violence. *Journal of Family Violence*, 2025.
9. **Goldfarb E. S., Lieberman L. D.** Three Decades of Research: The Case for Comprehensive Sex Education. *Journal of Adolescent Health*, no 68(1), pp. 13–27.
10. **Potter V. R.** *Bioethics: Bridge to the Future*. Englewood Cliffs. N. J.: Prentice-Hall, 1971.
11. **Reich W. T.** *Encyclopedia of Bioethics*. Ed. by W.Th. Reich. N.Y.–L. vol. I: Basic Writing on the Key Ethical Questions That Surround the Major Modern Biological Possibilities and Problems, 1995.
12. **Kondrashev A. A.** Postmortem use of reproductive technologies in Russia. *State power and local self-government*, 2025, no. 11, pp. 30–34. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-30-34 (in Russ.)
13. **Mossberg E. Yu.** Cryopreservation of human germ cells and embryos as a way to ensure human reproductive rights in the post-COVID period: the experience of the BRICS countries. *State power and local self-government*, 2025, no. 11, pp. 35–37. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-35-37 (in Russ.)
14. **Avakyan A. M., Morozova A. A.** Embryo: subject or object of civil legal relations. *Society: politics, economics, law*, 2017, no. 5, pp. 67–69. (in Russ.)
15. **Romanovsky G. B.** Constitutional legal capacity of the brain organoid. *State power and local self-government*, 2025, no. 11, pp. 11–16. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-11-16 (in Russ.)
16. **Chernus N. Yu.** Patient-centeredness in Russian biojurisprudence and in the practice of providing medical care. *State power and local self-government*, 2025, no. 11, pp. 38–41. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-38-41. (in Russ.)
17. **Kemryugov T. Kh.** Balance of rights and obligations of a citizen: certain issues of the methodology of constitutional research. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 2023, no. 48 (3), pp. 550–557. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-550-557 (in Russ.)
18. **Mordvinova E. L., Antonova E. D., Poleva P. E.** Well-being of Generation Z. *Arkhon*, 2025, no. 4 (55), pp. 271–277. (in Russ.)
19. **Igoshkina M. E.** The Impact of Information and Digital Technologies on the Formation of Legal Regulation of Bioinformatics and Biodata Security. *State Power and Local Self-Government*, 2025, no. 11, pp. 17–20. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-17-20 (in Russ.)
20. **Scepanovic V. Scepanovic I.** The ethical dilemmas of the blockchain technology use in e-healthcare systems. *Social Informatics Journal*, 2024, no. 3, pp. 9–14. DOI: 10.58898/sij.v3i2.09-14
21. **Kravets I. A.** *Bioneuroconstitutionalism - a strategic paradigm of Russian and international constitutional jurisprudence*. Modern Russian constitutionalism: on the 85th anniversary of the birth of Academician O. E. Kutafin. ed. V. V. Komarova. Moscow: Prospect publ., 2023, pp. 193–201. (in Russ.)

22. **Kamorny V. S.** Subjects of liability for harm caused by artificial intelligence in the field of biorights and biotechnology. *State power and local self-government*, 2025, no. 11, pp. 20–23. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-20-23 (in Russ.)
23. **Kuzmenkin I. V.** Implementation of the constitutional principle of personal dignity in human cloning. *State power and local self-government*, 2025, no. 11, pp. 50–53. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-50-53 (in Russ.)
24. **Wiley L., Cheek M., LaFar E., Ma X., Sekowski J., Tanguturi N., Iltis A.** The Ethics of Human Embryo Editing via CRISPR-Cas9 Technology: A Systematic Review of Ethical Arguments, Reasons, and Concerns. *HEC forum: an interdisciplinary journal on hospitals' ethical and legal issues*, 2025, no. 37(2), pp. 267–303. URL: doi.org/10.1007/s10730-024-09538-1
25. **Troitskaya A. A.** Heritable editing of the human genome: a comparative analysis of Russian and foreign legal regulation. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 69–81. (in Russ.)
26. **Aleksandrova A. V., Berg L. N., Bolkov M. A.** *Modern biomedical law: textbook*. Edited by G. A. Vasilevich, V. I. Kruss. Moscow: Prospect publ., 2023, 480 p. (in Russ.)
27. **Maslyakov V. V.** Modern principles of bioethics in providing palliative care to cancer patients. *Medicus*, 2020, no. 2 (32). (in Russ.)
28. **Kravets I. A.** Constitutional biojurisprudence and the achievement of bioethical well-being (part 2). *Comparative Constitutional Review*, 2022, no. 3 (148). (in Russ.)

Информация об авторах

Кравец Игорь Александрович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, главный научный сотрудник Института философии и права НГУ
SPIN: 7272-5729
WoS Researcher ID: N-9219-2015
Scopus Author ID: 57224000209

Солодкина Мария Евгеньевна, ассистент кафедры конституционного и муниципального права Института философии и права НГУ, лаборант Лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии Института философии и права НГУ
SPIN 2026-9934

Information about the Authors

Igor' A. Kravets, Head of the Chair of Constitutional and Municipal Law, The Institute for philosophy and law, doctor of juridical sciences, professor
SPIN: 7272-5729
WoS Researcher ID: N-9219-2015
Scopus Author ID: 57224000209

Maria E. Solodkina, Assistant at the Chair of Constitutional and Municipal Law at the Institute for philosophy and law of NSU, laboratory assistant at the Laboratory for Analysis and Forecasting of Integration Processes in Modern Eurasia at the Institute for philosophy and law of NSU
SPIN 2026-9934

Статья поступила в редакцию 04.02.2026;
одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 09.02.2026
The article was submitted 04.02.2026;
approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 09.02.2026